

И-46

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

Г.Ф. Ильин

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Автореферат диссертации,
представленной на соискание
ученой степени доктора исто-
рических наук

Москва 1970

Работа выполнена в Отделе Древнего Востока
Института востоковедения АН СССР.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Г.Х. САРКИСЯН
доктор исторических наук Ю.В. ГАНКОВСКИЙ
доктор исторических наук В.Н. НИКИФОРОВ

Внешний отзыв Института восточных языков
при Московском государственном университете
им. М.В.Ломоносова.

Автореферат разослан " " _____ 1970 г.

Защита диссертации состоится " " _____ 1970 г.

в Институте востоковедения Академии наук СССР
(Москва, Армянский пер., 2).

С диссертацией можно ознакомиться в библио-
теке Института.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

доктор ист. наук (К.В.МАЛАХОВСКИЙ)

Подписано к печати 27/1У-70г.
Т-07024 Зак.188 Тир.200 Объем 4,0 п. л.

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

В качестве докторской диссертации автор решил пред-
ставить некоторые лично ему принадлежащие главы из вы-
шедшей недавно из печати монографии "Древняя Индия" (Ис-
торический очерк, М., 1969), написанной в соавторстве с
Г.М.Бонгард-Левиним. Главы эти близки по тематике и из-
лагают историю развития общественных отношений и общест-
венной мысли в древней Индии. Поскольку книга вышла зна-
чительным тиражом, нет смысла следовать обычному поряд-
ку, в котором пишутся авторефераты. Главное, на чем дис-
сертант считает необходимым сосредоточить внимание чита-
теля, это изложение концепции автора, лежащей в основе
упомянутой монографии - вопроса о классовой структуре
древнеиндийского общества. Кроме того, что это главный
вопрос во всякой работе подобного рода, важность его
значительно усилилась вследствие того, что в последние
годы на конференциях и в научной печати прошли оживлен-
ные дискуссии, посвященные основным проблемам истории
древних обществ и прежде всего обществ древнего Востока.

Интерес научной общественности к этим проблемам
легко объяснить. Отдел исторической науки, занимающийся
изучением периода древности, встречается с вопросами,
имеющими важнейшее теоретическое и практическое значе-
ние - происхождение имущественного и общественного нера-
венства, классов, государства, семьи, современных рели-
гий, культуры, этнических общностей, а также особенности
исторического развития тех или иных народов. Решение лю-
бого из этих вопросов имеет отнюдь не отвлеченный харак-
тер, а часто непосредственно связано с идеологией совре-
менных классов и политическими платформами их партий.

Естественно также, что в прошедших дискуссиях основное внимание уделялось странам древнего Востока, так как в этих странах процесс возникновения общественных институтов, характерных для классового общества, происходил раньше, чем в древней Европе, а следовательно сами эти институты и их изучение имеют особо важное значение.

Оживленности споров содействовало и то обстоятельство, что в общей историко-материалистической схеме развития человечества через пять общественно-экономических формаций (первобытнообщинная рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая) первая классовая формация — рабовладельческая, которая относится именно к периоду древности, является на всех формациях классового общества наиболее уязвимым для критики звеном. Основными причинами этого являются отдаленность древнего периода от нашего времени, резкое отличие существовавших тогда условий от современных, мешающее исследователю в полной мере понять всю специфику этих отличий. К этому необходимо добавить скудость и фрагментарность источников и особые трудности их интерпретации. Даже исследователи периода новейшей истории часто излагают и толкуют ее события совершенно несходным образом, хотя в их распоряжении находится огромное количество источников, а сами исследователи являются современниками, а иногда и активными участниками описываемых ими событий. Что же и говорить о периоде, отстоящем от нас на тысячелетия, от которого остались в большинстве случаев лишь немногие документы, надписи, монеты, остатки материальной культуры, противоречивые данные легенд и преданий, ненадежные и отрывочные данные немногих памятников литературы различных жанров и т.д., и все это на мертвых языках, которые сами еще являются объектами изучения.

Основное, что ставилось под сомнение в этих дискуссиях, это рабовладельческий характер классовых обществ древнего Востока. Относительно того, что же было на самом деле, ответы давались самые различные. Довольно редко и в несколько завуалированной форме высказывалось мнение, что древневосточное общество представляло собой особый ва-

риант феодального. Значительно чаще утверждалось, что древневосточное общество развивалось особым путем, и в нем господствовал особый, только ему присущий "азматский" способ производства". Мы особо остановимся на том, в какой мере обе эти точки зрения применимы к древней Индии.

Феодальные отношения и древняя Индия

В советской исторической науке уже довольно давно распространена точка зрения, согласно которой зарождение феодальных отношений в Индии начинается в первые века н.э., а определяющими в общественной структуре страны они становятся с середины I тысячелетия н.э. С этого времени принято начинать изложение истории индийского средневековья. В последние годы и за рубежом появился ряд работ, авторы которых не соглашались с нередкими и обычно бездоказательными утверждениями, что древняя Индия была феодальной страной, и также полагают, что о господстве в Индии феодальных отношений можно говорить не раньше V—VI веков н.э.

Феодализм в марксистской науке характеризуется наличием двух основных антагонистических классов — эксплуататоров феодалов и эксплуатируемых крестьян. В наиболее типичных случаях земля была собственностью феодала, крестьяне прикреплены к земле и находились от феодала в личной внеэкономической зависимости. Однако в Индии только к концу периода древности начинает возникать класс феодальных земельных собственников, эксплуатирующих крестьян, лишенных собственности на землю и вынужденных платить ренту собственникам земли.

Многие советские историки до сих пор считают, что на древнем Востоке вообще и в древней Индии в частности, земля находилась в монопольной собственности государства. Изучение имеющихся материалов не подтверждает этой точки зрения. Против нее в целом и применительно к странам Ближ-

него Востока уже выступал И.М.Дьяконов¹. Данные, относящиеся к древней Индии, также обнаруживают ее несостоятельность.

В Индии государству принадлежала только необрабатываемая земля, но государство выступало скорее как хранитель земельного фонда, чем как собственник, так как любой индиец имел право освоить любой участок необрабатываемой земли; после того, как он начинал его обрабатывать, этот участок становился его собственностью². Все имеющиеся данные показывают, что обрабатываемая земля принадлежала отдельным хозяевам, пастбища и луга — общинам, в которых эти хозяева состояли. Частная земля продавалась, покупалась, дарилась, передавалась по наследству, закладывалась. Уже в "Артхашастре" (III, 9) излагается определенный порядок и процедура подобных сделок. Покупка производилась при свидетелях, устанавливалась граница участка и заполнялся соответствующий документ.

Одним из самых ранних эпиграфических документов о купле-продаже земли является надпись № 10 из Насика (II век н.э.). В ней рассказывается, что высокопоставленный даритель Ушвадатта (зять царя Наханапы) пожаловал буддийскому монастырю поле, которое он ранее купил у частного лица за 4 тысячи кармапа³. Затем количество данных подобного рода быстро возрастает. Но имеется достаточно свидетельств того, что подобные сделки имели место раньше, чем это можно судить на основании данных

¹ И.М.Дьяконов, Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего и Среднего Востока до середины II тыс. до н.э. "Вестник древней истории", 1967, № 4.

² "...Поле (кедага) принадлежит вырубившему лес, [так же как] животное [поразившему его] стрелку" (Ману IX, 44). В "Милиндапанхе" (The Milindapañho, ed. by V. Trenckner, London, 1928, стр.219) сделавший землю пригодной к обработке прямо называется "собственником земли"

³ Epigraphia Indica (далее EI), VIII, стр.78.

только эпиграфики¹. В палийском каноне неоднократно рассказывается, что буддийская монашеская община получала земельные дарения от царей и частных лиц богатей еще при ее возникновении (VI—V века до н.э.). Хорошо известен, например, эпизод с дарением Будде богатым купцом Анатхапиндикой в г. Шравасты сада, который он предварительно купил у царевича Джеты². Таким образом, и царевич мог продать землю, и купец купить ее, а затем подарить монахам, в собственность которых она переходила.

Служебные пожалования в качестве вознаграждения производились эпизодически очень рано и являлись свидетельством слабого развития денежных отношений, не позволявшего оплачивать всех служивших в государственном аппарате деньгами. Явно нецелесообразно было свозить в столицу из отдаленных районов зерно и другие продукты, получаемые в виде налогов, а затем отправлять их обратно для оплаты местных служащих. В этих условиях пожалование деревень или даже города в кормление (с правом получения в свою пользу причитающихся государству налогов) было самым простым выходом из положения. При этом никогда не называлось ни количество земли при деревнях, ни число населявших их крестьян. Если пожалованному давалась пахотная земля, то указывался размер участка, но не упоминается как объект дарения люди на ней живущие. Приведем отрывок из "Законов Ману" (VI, 115), где излагается типичная система таких пожалований: "Управитель десятию [деревнями] пусть пользуется одной кулой [земли]³, управитель двад-

¹ Обычай фиксирования дарений земли на камне и медных пластинах распространился только с начала н.э.; до этого они записывались на тканях, пальмовых листьях и других легко разрушающихся материалах и поэтому до нас не дошли.

² Чуллавагга VI, 4.9—10; VI, 9.2. Сцена дарения изображена на рельефе из Бхархута (II век до н.э.), следовательно, предание относится к более раннему времени.

³ Кула — значительный участок земли. Возможно он был равен среднему земельному наделу одной семьи.

дцатью пятью кулами, управитель над сотней деревень - деревней, управитель тысячи - городом". Здесь речь идет о местной администрации; служащие центральной администрации получали, очевидно, содержание из казны (Ману УП, 125-126; Артхаштра У, 3).

Наличие пожалований, типа перечисленных у Ману, само по себе еще не является свидетельством наличия феодальных экономических отношений. Жалование деревни управителю ста деревень в приведенном выше случае означало просто его право оставлять в свою пользу сотую часть всех доходов государства в управляемой им округе. Ниоткуда не видно, что земля упомянутых деревень и городов становилась собственностью получателя, а их население оказывалось по отношению к нему в состоянии личной зависимости. А ведь платят крестьяне пожалованному лицу часть своей продукции как налог, отказанный в его пользу государством, или же они платят получателю ее как ренту собственнику земли, это совершенно различные вещи.

Пожалования подобного рода были формой оплаты за службу и носили временный характер - пока исполнялась служба. Только в первые века н.э. появляются пожалования безусловные и вечные; именно они в первую очередь фиксировались на камне и меди. Важной частью дошедших до нас государственных грамот было перечисление иммунитетных прав, которые приобретал получатель. Все эти данные являются свидетельствами феодализации, но они относятся уже к периоду поздней древности (IV-V века н.э.). Часто упоминается освобождение от налогов, постоя, приема царских курьеров. Несколько позже стало жаловаться освобождение от обязательного исполнения трудовой повинности, право на разработку полезных ископаемых, если таковые будут обнаружены в недрах, тогда как раньше это было прерогативой царской власти. Длительное устранение царской администрации от непосредственного общения с крестьянами, вследствие дарения получателю иммунитетных прав, в конце концов ставило крестьян в зависимость от него. Мы начинаем встречать в государственных грамотах требования к крестьянам оказывать долж-

ное повиновение получателю дарения¹, а последний призывается быть справедливым по отношению к крестьянам (CII, Ш, № 55). Первое упоминание в надписях о пожаловании деревни не только с принадлежащими ей землями, но и с ее обитателями (без указания, впрочем, числа их) мы встречаем только в V веке². Но возможно, что это имело место и раньше, так как китайский паломник Фа Сянь сообщает, что уже в его время (V век н.э.) фиксировались не только пожалования земли, но и людей ее населяющих³.

Крупные сановники (члены царского рода, высшие должностные лица в государственном аппарате), видимо, довольно рано (данные есть от II-III веков) получили право дарить не только землю, но и пожалованные им деревни, на благотворительные цели - храмам, монастырям и отдельным брахманам (CII, Ш, 31; EI, УП, стр.57,61; УШ, стр.79; ХУ, стр.41-42 и др.). А к концу периода древности (сер. V в.) имели место уже случаи продажи брахманами пожалованных им деревень купцам (EI, XXIV, стр.55).

Здесь не ставилась задача изложить (хотя бы и в кратком виде) историю генезиса феодализма в Индии. Преследовалась единственная цель показать, что феодальные отношения возникают в этой стране только в период поздней древности (I-V века); господство их в структуре индийского общества относится к периоду, находящемуся за хронологическими рамками древности.

Авторы большой и ценной работы "История Индии в Средние века" (М., 1968) усматривают наличие в древней Индии феодального уклада (наряду с рабовладельческим) в факте взимания государством с общинников поземельного налога (стр.646; см. также стр.35, 129). Этот налог неодно-

¹ I Corpus Inscriptionum Indicarum (далее CII), Ш, № 31; EI, X, стр.75-76.

² CII, Ш, № 80.

³ Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western world. Transl. by S.Beal, vol.I-II, London, 1906, vol.I, p. XXXVIII.

кратно называется рентой-налогом (стр.34,37,39). Поскольку авторы нигде не утверждают, что земля принадлежала государству, то остается непонятным, почему поземельный налог считается в данном случае признаком феодальной эксплуатации (и вообще эксплуатации); непонятно также причем тут рента.

Слабость концепции о существовании в древней Индии феодального уклада и до н.э. (после начала н.э. феодальный уклад действительно начинает возникать) заключается в том, что в ней решающее значение придается формам оплаты государственных служащих и формам налогообложения, тогда как коренным вопросом, от которого зависит определение характера общественно-экономической структуры является вопрос о собственности¹.

Земля есть и всегда была одним из важнейших видов недвижимого имущества, и государство стремилось облагать его налогом; делало оно это в разных странах и в разные эпохи: делает оно это и в настоящее время². Государство может выступать эксплуататором земледельца только в том

---

¹ "Непосредственное отношение собственников условий труда к непосредственным производителям - отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, - вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче всякой данной специфической формы государства" (К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, 2 изд., т.25, ч.П, стр.354).

² Для древности, как исключение, можно указать на античный полис, в котором граждане не платили поземельного налога. Но зато они должны были служить в ополчении, не получали жалованья, если занимали правительственные должности и выполняли в ряде случаев другие повинности.

случае, если оно является собственником земли; в этом случае налог совпадает с рентой. А раз государство не является собственником обрабатываемой земли (а все данные говорят, что так именно дело и обстояло), тогда взимание им поземельного налога нельзя считать эксплуатацией, если под эксплуатацией понимать присвоение чужого труда собственником средств производства.

Разумеется, налоговая политика государства носила классовый характер всегда и везде, а не только в древней Индии. Кроме прямой эксплуатации, являющейся следствием монополии господствующего класса на основные средства производства, он имеет возможность присваивать часть прибавочного продукта, производимого трудящимися, используя свою гегемонию в политической, социальной и идеологической сферах. Но это может считаться только косвенной, дополнительной эксплуатацией. Она производна от прямой, определяется ею и не может существовать независимо от нее. До тех пор, пока господствующей формой прямой эксплуатации была рабовладельческая, и господство принадлежало классу рабовладельцев, косвенные формы эксплуатации использовались им же.

Таким образом, древнюю Индию нельзя считать феодальной страной, так как нет свидетельств наличия в ней вплоть до начала н.э. каких-либо существенных элементов феодальных отношений.

Проблема "азиатского способа производства" и древняя Индия

В связи с проблемой существования в древней Индии феодализма уместно остановиться на теории, отрицающей существование в этой стране феодализма (как, впрочем, и рабовладельческого общества) и утверждающей, что Индии (как и другим странам Востока в древности и в Средние века) была присуща особая формация с "азиатским способом производства".

В 20-30 годах в советской исторической науке этот вопрос оживленно обсуждался. Но дискуссии не дали существен-

ных результатов, так как обсуждались не столько факты истории стран древнего и средневекового Востока, сколько то, что К.Маркс подразумевал под этим выражением, неоднократно им употреблявшимся. К тому же на ход и исход дискуссии немалое воздействие оказали моменты, не имеющие прямого отношения к науке.

Несколько лет тому назад интерес к этой проблеме по разным причинам опять обострился в советской и зарубежной исторической науке. Прошедшие новые дискуссии также не дали результатов, которые могли бы эту теорию укрепить. В сущности, сторонники теории "азиатского способа производства" опять ограничивались толкованием нескольких мест из произведений К.Маркса, написанных еще тогда, когда изучение истории стран древнего Востока только начиналось. При этом между самими сторонниками этой теории обнаружился большой разнобой. Одни считают, что "азиатский способ производства" предшествовал рабовладельческому, другие — что он существовал в странах Востока вместо рабовладельческой и феодальной формации вплоть до капиталистической, третьи — что он был гибридом той и другой, четвертые стремятся как-то модернизировать ее, конструируя новые формации — "кабальную", "данническую", "государственно-общинную" и т.д., не подкрепляя свои рассуждения анализом фактического материала. Они по-прежнему предпочитают отвлеченное теоретизирование и избегают анализ фактов. Избегают они также конкретизации, в каких именно странах и в какие исторические периоды этот способ производства существовал. Вместе с тем в печатных и устных выступлениях неоднократно содержатся ссылки в общей форме на Индию; это, по-видимому, должно означать, что в древней или средневековой Индии этот способ производства нашел свое воплощение. Но такое заключение не соответствует фактам.

Основными чертами "азиатского способа производства" акад. Е.С.Варга, сторонник его и застрельщик нового об-

суждения всей проблемы¹, считает три: 1. Господство в древневосточном земледелии искусственного орошения; 2. Важнейшей функцией государства в странах древнего Востока было строительство ирригационных систем; 3. Государство было монопольным собственником земли, частная собственность на землю отсутствовала. К этим трем часто добавляются еще две: 4. Наличие общинного крестьянства как основного эксплуатируемого класса общества; 5. Деспотическую монархию как типичную форму государственного устройства.

Разберем все эти пять характерных черт применительно к Индии.

1. Господство в древнеиндийском земледелии искусственного орошения.

Искусственное орошение в Индии практиковалось в самой глубокой древности. В источниках разного времени неоднократно упоминаются каналы, плотины, пруды, колодцы и орошение возделываемой земли. Однако утверждение, что в древнеиндийском земледелии господствовало искусственное орошение, является совершенно бездоказательным. Даже в 40 гг. нашего века в неразделенной Индии орошаемые земли в общей посевной площади страны составляли немногим более 20%. При этом большая их часть получала воду из ирригационных сооружений, построенных за последние сто лет.

В Индии доля земель, где вследствие недостатка атмосферных осадков земледелие невозможно без искусственного орошения, очень невелика; это, в основном, районы по нижнему течению Инда (Белуджистан, Синд, Западный Раджастанхан)². На подавляющей части территории страны норма осад-

---

¹ Е.С.Варга, Очерки по проблемам политэкономии капитализма, М., 1964. См. последнюю главу книги так и называющуюся: "Об азиатском способе производства".

² Есть основания полагать, что в древности на территории современного Западного Пакистана климат был более мягким и влажным.

ков более 500 мм в год, к тому же выпадающих в основном летом. В долине Ганга, например, количество осадков колеблется от 682 мм в год на западе ее (район Дели), до 2000 мм и более в восточной части; в Патне (центре древней Магадхи) оно равно 1233 мм¹. В ряде важнейших районов (современные штаты Бенгал, Бихар, Орисса, прибрежные области Южной Индии) приходилось думать не столько о борьбе с засухами, сколько о борьбе с наводнениями. В большинстве случаев древнеиндийский земледелец находился в благоприятных или, во всяком случае, в сносных условиях и без искусственного орошения. Где нельзя было выращивать рис, можно было выращивать пшеницу, где не росла пшеница, выращивался ячмень, просо, где не рос джут — рос хлопок², где не рос хлопок — рос лен и т.д. Древние индийцы очень рано поняли, что орошаемая земля более продуктивна и охотно использовали разливы рек, но искусственные сооружения возводили, по-видимому, только тогда, когда это не требовало больших усилий и экономический эффект был совершенно очевиден.

2. Важнейшей функцией государства было строительство ирригационных систем.

Данные не подтверждают применимость этого положения к древней Индии. Мы имеем немного бесспорных доказательств существования в древней Индии крупных ирригационных сооружений. Одним из них было озеро Сударшана ("Великолепное") на полуострове Катхьявар, созданное при Чандрагупте Маурье (IV—III века до н.э.) и существовавшее еще в I веке н.э. (EI, УШ, стр.42—45). Другим примером может служить

¹ Е.М.Рябчиков, Природа Индии, М., 1950, стр.119—120.

² Даже в настоящее время 90% посевных площадей, занятых в Индийской республике под хлопком, искусственно не орошается. При этом основные хлопкосеющие районы расположены на территориях, получающих в год 600—750 мм атмосферных осадков в год (О.Х.К.Спейт, Индия и Пакистан, М., 1957, стр.239).

канал, сооруженный при Нандах (IV в. до н.э.) в Ориссе, о расширении которого царем Кхаравелой упоминается в Хатхигумпхской надписи (EI, XX, стр.71—89). В качестве третьего примера можно указать ирригационные работы, принятые царем Чола, Карикалой (II в. н.э.) в Тамилнаде по нижнему течению реки Кавери¹. Каковы были площади обрабатываемых земель, орошавшиеся этими ирригационными сооружениями, неизвестно. Нет также уверенности в том, что в двух последних случаях речь идет именно об оросительных сооружениях в обильных осадками Ориссе и Тамилнаде. Возможно, что их строили в мелиоративных или транспортных целях.

Обычно же оросительные сооружения были невелики по масштабам и возводились общинами или частными лицами. Их можно было сдавать в аренду, закладывать, продавать и т.д. (Артхашаstra III, 9). Государство поощряло местное ирригационное строительство налоговыми льготами², суровыми наказаниями за повреждение оросительных сооружений (Артхашаstra III, 9; Нарада XIV, 4; Брихаспати I, 236), но непосредственным организатором ирригационных работ выступало не часто. От древней Индии до нас дошли обширные трактаты, описывающие государственное устройство, теорию и практику государственного управления ("Артхашаstra", "Раджадхарма" в "Махабхарате", УП глава в "Законах Ману"), но нигде нет свидетельств существования специальных учреждений и должностных лиц, руководивших оросительными работами.

3. Государство было монопольным собственником земли; частная собственность на землю отсутствовала.

Это положение не может относиться к древней Индии. В разных древнеиндийских государствах существовали те или

¹ "The age of imperial unity", Bombay, 1961, стр.231. Эти данные менее надежны, так как основаны на довольно позднем цейлонском литературном источнике.

² Так, в "Артхашастре" (III, 9) предписывается соорудившего оросительное устройство или пруд освобождать от налогов на пять лет и пр.

иные пережитки племенной собственности на землю. В наиболее развитых частях страны государство распоряжалось только необработываемой землей. Пахотная, как об этом говорилось несколько выше, принадлежало частным лицам, пастбища — общинам, в которых эти хозяева были объединены. Обработываемая земля покупалась, продавалась, закладывалась, передавалась по наследству. Хозяин обладал всеми основными правами частного собственника — владения, пользования и распоряжения. Если сравнить в этом отношении древние общества Востока и Запада, то окажется, что частная собственность на землю в странах Востока возникла задолго до того, как она возникла в Европе.

4. Наличие общинного крестьянства как основного эксплуатируемого класса общества.

В этом положении верно лишь то, что в древней Индии действительно существовало многочисленное общинное крестьянство. Но земледельцы-общинники обладали правами собственности на все основные средства производства (землю, орудия труда, рабов, скот). Поэтому поземельный налог, который общинники платили государству, никак не может считаться формой прямой эксплуатации, как об этом уже говорилось выше.

Попытка противопоставить страны Востока и страны Запада на том основании, что для общественной структуры первых характерна община, а для вторых она не характерна, совершенно не основательна. Восток и в этом отношении, так же как и во всех прочих, никогда не представлял собой чего-то единого, принципиально отличного от Запада. Так, если можно говорить о территориальной общине как важном структурном элементе в Индии¹ или Месопотамии, то в древ-

---

¹ Какого-либо единого, общего для всей страны типа общины не существовало и в древней Индии. Их было много — от организации экономически самостоятельных соседей, в значительной мере утративших производственные связи, до первобытнообщинных, члены которых были связаны родовыми и производственными узами.

нем Египте община существенной роли не играла, и египтологи до сих пор спорят, существовала ли она в период фараонов вообще. С другой стороны, если непредвзято посмотреть на страны античного мира, то можно без труда обнаружить общинную организацию в Европе не только у германцев или кельтов. По существу, античный полис представлял собой городскую общину, и исчезает он только тогда, когда разрушаются общинные основы, на которых он покоился.

5. Деспотическая монархия как типичная форма государственного устройства.

И это положение не может быть принято. Деспотическая монархия в древней Индии стала типичной формой государственного устройства только к концу древности. Даже про империю Маурьев нельзя сказать с уверенностью, что она была законченной деспотической монархией¹. Нет уверенности также в том, что власть государей в империи Гупт (IV—V вв. н.э.) была более деспотической, чем в Римской империи. Во всяком случае, об установлении культа императору как богу (что имело место в Римской империи) в древней Индии ни в один из периодов ее истории ничего не известно.

Решительно противоречит оспариваемому положению также факт существования в древней Индии республик; наличие их уже давно доказано индийскими историками². Правда, общее направление развития государства шло от республик к монархиям, но так обстояло дело и в античном мире с тем отличием, что если рабовладельческие республики в Европе исчезают в I веке до н.э., то в Индии их существование отмечено и четырьмя веками позднее.

---

¹ Г.М.Бонгард-Левин, Некоторые особенности государственного устройства империи Маурьев. Сб. "История и культура древней Индии", М., 1963.

² R.Ch.Majumdar, Corporate life in ancient India, Calcutta, 1919, R.K.Mookerjee, Local government in ancient India, Oxford, 1919; K.P.Jayaswal, Hindu polity, Calcutta, 1924.

Попытку возродить теорию "азиатского способа производства" следует считать неудачной, что показал и ход имевших место дискуссий. Это и не могло быть иначе, так как накопленные наукой в течение последних ста лет факты все больше подтверждают основные положения исторического материализма о единстве исторического процесса при многообразии форм проявления этого единства. Противопоставление исторических путей развития Запада и Востока как каких-то единых и однотипных целых становится все более несостоятельным^I. И недалеко то время, когда оба эти термина будут применяться только в своем первоначальном значении — географическом.

Основные проблемы рабовладельческого общества

Во время дискуссий выяснилось, что многие из их участников, выступавшие против рабовладельческого характера древневосточных цивилизаций, неправильно представляют себе рабовладельческое общество.

Одним из наиболее частых заблуждений является приписывание сторонникам этой теории неправильной точки зрения, будто все страны и все народы первой формой классового общества должны обязательно иметь рабовладельческую. Поскольку многие народы (в том числе и на территории нашей родины) миновали рабовладельческую стадию, это считается достаточным свидетельством ее исключительности и не-обязательности не только для той или иной страны, но и

---

^I Греция в древности была больше похожа на Финикию, чем первая на Скандинавию, а вторая — на Приамурье. Римская республика и Карфаген больше походили друг на друга, чем первая на Прибалтику, а вторая — на Мавританию. Римская империя и Ханьская в Китае также имели больше сходства между собой, чем первая со Скифией, а вторая с Монголией. Резко отличными были не только Цейлон и Аравия, Япония и Парфия, но и рядом расположенные Египет и Судан, Индия и Тибет, да и на территории Индии существовали различные типы обществ.

для исторического развития человечества в целом. Может быть отдельные высказывания сторонников теории рабовладельческого характера древнего общества и давали основания для приписывания им упомянутой точки зрения, но сама теория тут не при чем.

Действительно, многие страны миновали рабовладельческую стадию развития. Но известно также, что многие народы (в частности, и на территории нашей родины — в Сибири и на Дальнем Востоке) миновали и феодальную, однако это не считается свидетельством исключительности феодальной формации. Более того. Известно также, что есть народы, которые до сих пор не достигли и стадии капиталистического общества, и некоторые из них ее минуют. И это также нельзя признать свидетельством исключительности капиталистического общества.

Основным объективным условием для возникновения и существования классового общества является такое развитие производительных сил, которое создает условия для эксплуатации. Но в различных природных и исторических условиях, даже при равном развитии производительных сил, может быть получен далеко не равный прибавочный продукт, присвоение которого является целью эксплуатации. Величина прибавочного продукта зависит от двух факторов — производительности труда и размеров необходимого продукта.

Производительность труда в земледелии, бывшем важнейшей отраслью экономики в древнем обществе, зависела в огромной степени от природных условий — климатических и почвенных. Размер необходимого продукта также в большой мере зависел от климатических условий. Он был ниже (а следовательно, выше оказывался размер прибавочного продукта) там, где человек мог в крайнем случае обойтись минимумом одежды и обуви и жить в простейшей хижине, и необходимый продукт оказывался значительно выше, где человеку необходима была теплая одежда, обувь и основательное, хорошо отапливаемое в холодную погоду жилище. Да и питание человека в холодном климате должно быть более калорийным и разнообразным, чем в теплом.

Районы, наиболее благоприятные для развития земледелия, когда оно еще только возникало, оказались расположенными в северных субтропиках. Именно здесь еще в период энеолита стали зарождаться древнейшие рабовладельческие общества (Египет, Месопотамия, Индия). Только в поздний бронзовый и раннежелезный век, то есть на более высоком уровне развития производительных сил, возникают рабовладельческие общества в Южной Европе и Северном Китае. Области Северной Европы и Северной Азии обладали еще менее благоприятными условиями для земледелия (как, впрочем, и для скотоводства); производительность труда при равной технической вооруженности обычно была ниже, размер прибавочного продукта даже при равной производительности труда был меньше. К тому же, при ограниченности вегетационного периода (5-6 месяцев и меньше) труд раба не мог быть использован в производстве в полной мере в течение всего года. По всем этим причинам классовое общество в этих частях Европы в период древности вообще не возникло. Оно начало появляться только в средние века и оказалось возможным только при условии предоставления эксплуатируемым возможностей для проявления хозяйственной инициативы. Таким образом, народы, проживавшие здесь, хотя и знали рабство, но миновали рабовладельческую формацию, а некоторые из них, находившиеся в наименее благоприятных условиях, даже более высокую — феодальную.

Другим возражением, также основанным на недоразумении, является указание оппонентов на то, что не во всех древних рабовладельческих обществах рабы являлись главной производительной частью населения. Странно, однако, что такое требование не предъявляется к обществам с иной классовой структурой. Не может быть никакого сомнения в том, что когда в Англии и Франции происходили уже буржуазные революции, а следовательно, капиталистические отношения были господствующими (соответственно в XVII и XVIII веках), пролетариат составлял в этих странах явное меньшинство производительного населения. В России пролетариат составлял явное меньшинство его и во время победоносной социалистической революции и некоторое время после этого. Даже

в настоящее время, в период общего кризиса капиталистической системы, во многих капиталистических странах (в той же Индии) численность пролетариата относительно невелика. Очевидно, сравнительное значение тех или иных форм эксплуатации в экономике разных обществ определяется не только количественными отношениями.

Недооценка этого обстоятельства и способствует возникновению недоумений, когда оказывается, что в ряде рабовладельческих обществ труженики не рабы количественно преобладают. Между тем, никого не удивляет, что в каждом классовом обществе наряду с двумя основными классами — антагонистами существуют пережитки предыдущей формации или зародыши будущей. Кроме того, всегда имеются промежуточные социальные прослойки, состоящие из независимых ремесленников и кустарей, вольных крестьян и мелких фермеров, лиц свободных профессий и т.д.^I. Стоит признать их существование законным и для рабовладельческого общества, и тогда оснований для недоумений не будет. При этом в случае с рабовладельческим обществом сложность положения усугубляется следующим специфическим обстоятельством.

Каждая общественная формация зарождается в недрах предыдущей. Только постепенно новые элементы растут, набирают силу и в конце концов вытесняют те, в которых они зародились. Еще долго после того, как они стали преобладать, пережитки прежних отношений существуют. Примеры подобного рода из истории феодального и капиталистического общества достаточно хорошо известны. Но это в меньшей мере относится и к рабовладельческому обществу с тем принципиальным отличием, что предыдущая формация была бесклассовой. Как бы ни отличались между собой рабовладельческая, феодальная и капиталистическая формации, они сходны в одном — они являются классовыми, тогда как первобытнообщинная и рабовладельческая отличаются друг от

---

^I Хотя, конечно, на положение этих прослоек господствующие в каждом обществе классовые отношения оказывают определяющее воздействие.

друга в главном, так как первая из них бесклассовая. Если это обстоятельство не принять во внимание, тогда в рабовладельческом обществе что-нибудь понять будет очень трудно¹.

Появление первых рабов знаменовало собой конец первобытнообщинного строя, прошедшего предварительно большой путь развития, прежде чем появление рабства стало возможным. Длительность переходного периода² в разных странах зависела от многих общих и местных условий. Кончается он тогда, когда рабовладельческий уклад становится господствующим. Но совершенно необязательно, чтобы труд рабов при этом вытеснил труд свободных. Рабы сосредотачиваются в руках знати, используются в ее хозяйствах, решающим образом способствуя ее экономическому и политическому усилению. Когда этот процесс заходил достаточно далеко, общество становилось рабовладельческим: рабы были сосредоточены в ведущих хозяйствах (царские и храмовые, хозяйства знати), и они составляют единственный антагонистический эксплуатируемый класс: рабовладельческая знать поднялась над обществом, поставила на службу себе органы племенного управления, отныне призванные держать в подчинении рабов и обеспечивать рабовладельцам их господствующее положение. Рабы и рабовладельцы не составляли большинство населения, но отношения между ними определяли характер госу-

---

¹ Это же относится и к тем странам, где феодализм возник из первобытнообщинного строя, минуя развитый рабовладельческий. Напомним историю нашей родины или стран Северной Европы.

² Наличие переходного общества признается почти всеми, только называют его по-разному — "военная демократия", "раннерабовладельческое общество", "раннеклассовое общество", а для переходного от первобытнообщинного к феодальному в Средние века — "дофеодальное общество", "протофеодальное общество" и др.

дарства, политику, религию, мораль и этику, семейные отношения¹.

Первобытнообщинный уклад еще долго преобладает в количественном отношении, но он постепенно оказывается все в более подчиненном положении и постепенно размывается развивающимися рабовладельческими отношениями. Одни общинники пробиваются в ряды рабовладельцев, другие пополняют ряды рабов, третьим удается на протяжении всего периода древности сохранить полузависимое или даже вполне независимое экономическое положение.

Община, сама постепенно меняющая свой характер, являлась важнейшим социальным элементом в первобытнообщинном укладе, существовавшем как пережиток предыдущей формации в рабовладельческом обществе. Кроме этих двух основных укладов, появляется мелкий ремесленный и торговый люд, а также немалое число лиц, живущих частично или всецело работой на других (батраки, пастухи, матросы, носильщики, домашние слуги и пр.).

Укажем еще на одно специфическое обстоятельство. В феодальных и капиталистических государствах отдельные их области иногда существенно различались по степени развития в них господствующей формы классовых отношений. Достаточно вспомнить Россию на всех этапах ее истории. Но это еще в большей степени относится к рабовладельческим государствам. Очаги рабовладельческой цивилизации в течение долгого времени существовали отдельными островками в море первобытнообщинных племен. Включение территорий этих племен в рабовладельческое государство не всегда сопровождалось полным подчинением и быстрой коренной перестройкой в них общественных отношений; в этих случаях племена некоторое время (иногда длительное) существовали в систе-

---

¹ Общественная формация — совокупность всех свойственных обществу в определенный исторический период отношений между людьми — экономических, социальных, политических, идеологических и культурных. Экономические отношения — главное, но не единственное, что характеризует формацию.

ме рабовладельческого государства в качестве автономных единиц, усложняя еще больше его общественную структуру.

Причиной многих недоразумений является различное понимание самого термина "раб". Считается само собой разумеющимся, что формы феодальной эксплуатации, а следовательно, и зависимости, могут быть различными. Крестьяне могут быть крепостными (помещичьими, монастырскими, удельными), а могут ими и не быть. Уплачиваемая ими рента может быть отработочной, продуктовой или денежной; размеры ее могут быть самыми различными. Неодинаковые формы может иметь и личная зависимость крестьян от феодального сеньора. Вследствие всего этого феодальные отношения оказывались весьма различными в разных странах и даже на территории одной и той же большой страны. Является также общепризнанным, что положение рабочего также может сильно различаться в зависимости от многих обстоятельств: работает он в рассеянной мануфактуре или на машинной фабрике, в промышленном предприятии или в сельском хозяйстве, занимается он на артельных началах или в индивидуальном порядке, потомственный он пролетарий или отходник-сезонник, имеются у него какие-либо источники дополнительного дохода (обрабатываемый участок земли, доля в доходе предприятия и др.) или нет.

Однако в случае с рабовладельческим обществом возможность того, что неизбежно должны были существовать различия в положении рабов, очень часто не принимают во внимание. В результате все еще незримо присутствует стандартный образ раба: живет он в казарме, лишен семьи и всякого имущества, работает в каменоломне, латифундии или эргастерии под бичом надсмотрщика и эксплуатируется на износ. Между тем фактическое положение раба зависело от многих обстоятельств: принадлежит он частному лицу, общине, храму или государству, потомственный он раб или обращенный в рабство свободнорожденный, при каких обстоятельствах поработен, уроженец он данной страны или чужеземец, занят он на работах, требующих только физической силы или он квалифицированный мастер (ткач, ювелир, оружейник и т.д.), а то и человек интеллигентного труда (писец, ху-

дожник, врач, учитель и пр.), уровень развития страны, а следовательно, формы использования его труда. И не следует удивляться тому, что в иных случаях рабы имели семьи, хозяйство (если это было выгодно их господам) и их жизненный уровень был иногда выше, чем у свободных бедняков. И все же есть главное, что определяет раба: он сам собственность, сам средство производства, "говорящее орудие", как очень точно определяли его древние ремляне: "В условиях рабства работник принадлежит отдельному особому собственнику, являясь его рабочей машиной. Как совокупность проявленной силы, как рабочая сила, он является вещью, принадлежащей другому, и поэтому он относится к особому проявлению своей силы не как субъект... В условиях рабства работник есть не что иное, как живая рабочая машина, которая поэтому обладает стоимостью для других или, вернее, есть стоимость"¹.

Таким образом, отличительной особенностью рабовладельческой формации является то, что важнейшая производительная сила общества - человек, может стать чужим орудием труда, и такая зависимость труженика является оптимальной для эксплуататора.

Кому принадлежит раб, как он используется, имеет ли он какое-либо имущество в своем распоряжении или полностью лишен его и т.д. - все это очень важно в первую очередь для самих рабов и существенно отличает их друг от друга. Но и афинский скиф-дубинщик, и римский виллик, и раб на пекулии, и гладиатор, и спартанский илот, и раб, владеющий другими рабами (а были и такие) - все они рабы, хотя и разные. Все они занимали то место в производстве, которое определял хозяин. Если они имели какие-либо средства производства (мастерскую, участок земли, рабов), то это только в той мере, в какой это было выгодно хозяину;

¹ Из рукописи К.Маркса "Критика политической экономии", ВДИ № 2, 1968, стр.8. См. также К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч.. 2 изд.. т.4, стр.325; там же, т.6, стр.433.

в принципе они в любое время могли быть хозяином лишены всего — имущества, семьи и жизни^I.

Домашнее рабство

Вопрос о домашнем рабстве заслуживает особого рассмотрения. Термин "домашнее рабство" очень часто употребляется в советской и зарубежной исторической литературе и

^I Наглядным примером отказа признать очевидного раба рабом можно считать трактовку положения кхном в Анкоре, которую дает М.Г.Козлова, Л.А.Седов, В.А.Тюрин в статье "Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии" (Сб. "Проблемы истории докапиталистических обществ", М., 1968, стр.533-534): "Большую роль в производстве на протяжении всего анкорского периода продолжал играть труд лично зависимого населения — кхном. Являясь военнопленными и их потомками, кхном в юридическом плане приближались к рабам. Они не имели юридического лица (хотя иногда их имена встречались среди свидетелей при установлении межевых знаков), юридической семьи, считались полной собственностью своего владельца. Их можно было продавать, закладывать, передавать по наследству. С другой стороны, анализ надписей показывает, что положение кхном отличалось от рабского. У них могло быть имущество и даже закрепленные за ними участки полей. Очень часто кхном продавались и покупались вместе с землей, на которой жили. Однако норма эксплуатации была чрезвычайно высокой (около 60%), норма потребления риса — низкой (около 400 г очищенного риса в день), участки земли, передаваемые им в личное пользование, — крайне маленькими, неспособными прокормить взрослого работника-земледельца без дополнительных выдач из общественных житниц храма. Основной формой эксплуатации была барщина на храмовых полях. Отмечаются и случаи, когда кхном полностью существуют за счет выдачи им харчей из принадлежащего храму урожая. Все это сближает кхном с рабами". Так же авторы относятся к чван в Паганском государстве, подобным кхном. (Там же стр.538-539).

не всегда правильно. Нередко под ним подразумевается использование труда рабов в домашнем хозяйстве, резко противопоставляемом производственной деятельности. Если известно о наличии в том или ином древнем обществе какого то количества рабов, и при этом мало данных, что их труд в массовых масштабах применялся непосредственно на полевых работах, тогда заявляется, что их труд применялся главным образом в домашнем хозяйстве; это считается достаточным основанием полагать, что такого рода хозяйства не были рабовладельческими, а следовательно, и общество, в котором преобладают такого рода хозяйства нельзя считать рабовладельческим. А между тем такой вывод неверен, так как в основе его лежит неправильное противопоставление работы в домашнем хозяйстве производственной деятельности в древней экономике^I.

В настоящее время под работой в домашнем хозяйстве понимается в основном приготовление пищи, уход за детьми и уборка помещения. Но нельзя считать, что эти работы на дому, даже не приводящие непосредственно к созданию материальных ценностей, не имеют никакого производственного значения, поскольку при выполнении их одними освобождается сила и время для трудовой деятельности других. Кроме того, в домашней сфере остается такая жизненно важная функция как воспроизводство рабочей силы, имеющая не меньшее значение, чем материальное производство. Только в хозяйствах крупных рабовладельцев некоторое (а иногда значительное) число рабов могло быть занято совершенно непроизводительно (наложницы, прислужники, челядь разного рода). Но обладание большим числом таких рабов для поддержания социального престижа также является показателем развитого рабства как в социальных отношениях, так и отражения этого обстоятельства в социальной психологии.

^I "О рентабельности домашних рабов вообще можно не говорить, так как они не производят" (W.Ruben, Die Entwicklung der Produktionsverhältnisse im alten Indien, Berlin, 1967, S. 209).

Имеется другая еще более важная сторона вопроса, также не всегда в достаточной мере учитываемая. В древности при низком уровне общественного разделения труда домашнее хозяйство, особенно в хозяйствах сельских жителей, включало почти все производственные процессы, кроме непосредственно полевых работ, — молотьбу, помол зерна, очистку риса и хлопка, выжимку масла, уход за скотом, изготовление молочных продуктов (масла, творога, сыра), транспортировку грузов, доставку воды, что в жарких странах имело особо важное значение, заготовку топлива и т.д. К перечисленным обязательно следует добавить прядение и ткачество, которыми занимались почти в каждой крестьянской семье, ремонтно-строительные работы. Мелкое хозяйство было в своей основе натуральным, и в нем производилось почти все необходимое для его нормального функционирования.

В процессе разделения труда постепенно возникают новые общественно необходимые специальности, но попытки оценивать работу, например, пахаря как более важную чем мельника, землекопа чем водоноса, жнеца чем ткача, пастуха чем доярки, скотницы чем няньки и т.д., дают слишком большой простор для субъективизма. Полевым работам свойственна резко выраженная сезонность; все должно делаться быстро и в ограниченные сроки. Поэтому на этот срок они являются самыми ответственными и требуют максимальной оперативности и сосредоточения сил, но они не могут считаться решающими по своей трудоемкости. Ведь пахота и сев продолжаются в среднем 3-4 недели, а уборка урожая 5-6 недель. Если к этому добавить некоторое время для сенокоса¹, то окажется, что непосредственно полевые работы за-

---

¹ При неограниченности вегетационного периода пастьба скота в Индии возможна круглый год; поэтому сенокосение никогда не имело серьезного значения.

нимали 3 или 4 месяца в году¹. При этом такие работы как уход за скотом, приготовление молочных продуктов, доставку воды и пр. нельзя было прекращать даже в страдное время. И в настоящее время упомянутые "домашние" работы в мелком многоотраслевом сельском хозяйстве в сумме по своей трудоемкости превосходят полевые работы. Тем более это относится к древности, ибо с тех пор производительность труда в полевых работах росла значительно медленнее, чем в обработке сельскохозяйственного сырья.

При использовании труда рабов главным вопросом было обеспечение эффективности контроля. Поэтому рабам поручались такие работы, за исполнением которых можно было легко наблюдать, а это были в первую очередь работы в домашнем хозяйстве (в его древнем виде) под неусыпным надзором самого хозяина или хозяйки. Эти же соображения диктовали мелкому хозяину необходимость самому производить работы, требующие сознательного и ответственного отношения, либо поручать их членам семьи, которых нет нужды контролировать.

Таким образом, утверждение, что рабский труд применялся главным образом в домашнем хозяйстве, не может означать отрицания рабовладельческого характера имеемого в виду хозяйства, раз остаются неизвестным масштабы применения этого труда. Но если есть основание полагать, что рабский труд в том или ином домашнем хозяйстве преобладал (достаточно было иметь в семье, состоящей из пяти человек — муж, жена, двое или трое детей, кто-нибудь из стариков родителей — только одного раба), то это хозяйство можно было считать рабовладельческим².

---

¹ В ирригационных хозяйствах, а также там, где атмосферные осадки обильны и равномерны (следовательно, есть возможность снимать два урожая в год), продолжительности полевых работ была большей.

² Старики родители и жена в такой семье были заняты главным образом уходом за детьми и приготовлением пищи. Основными работниками были муж и раб. Нечего и говорить, что рабу приходилось отдыхать гораздо реже, чем его хозяину.

Экономическая основа
древнеиндийского рабства

Индия была одной из самых богатых и экономических развитых стран древности. Многочисленность ее населения^I может считаться весомым свидетельством в подтверждение этого. Возникновению в странах античного мира представления об Индии как "стране чудес" в немалой мере способствовали достижения древних индийцев в сфере материального производства.

Трудом многих поколений в благоприятных природных условиях в большей части страны (жаркий и влажный климат, мягкие почвы, разнообразный растительный и животный мир) было создано процветающее земледелие. К концу древности была в той или иной мере освоена почти вся территории страны.

По мере освоения земель в районах с повышенной увлажненностью (долина Ганга, побережье Южной Индии) все большее значение из зерновых культур приобретал рис — культура высокоурожайная, но и требующая особого искусства возделывания. В остальных районах преобладала пшеница; в более засушливых — просяные культуры, ячмень. Повсеместно возделывался сахарный тростник. Важнейшей технической культурой был хлопок, но выращивались лен, конопля. Известен был шелк. Индийцы добывали отличные растительные красители (индиго, шафран). Сады и леса давали разнообразные плоды (кокосовые орехи, манго, бананы и др.), цветы, пряности, благовония, лекарственные растения, строительный лес и поделочную древесину, лаки. На прибрежных

---

^I Еще Геродот (III, 94) утверждал, что Индия самая населенная страна в мире. Современные исследователи называют примерные цифры — от 181 млн. человек для конца IV в. до н.э. (R. Thapar, A history of India, vol. I, Harmondsworth, 1966, стр. 27), до 50 млн. для начала н.э. (История Индии в Средние века, М., 1968, стр. 19).

отмелях добывался жемчуг, ценные раковины, черепаховые щитки.

Удельный вес скотоводства в древнеиндийской экономике постепенно падал, но оно сохраняло немалое значение, так как поставляло рабочий скот для транспорта и земледелия, молоко и молочные продукты для питания, шерсть и кожу как сырье для ремесла.

Древнеиндийская промышленность также достигла высокого уровня. Прославленным образцом искусства металлургов является железная колонна в Дели весом в 6,25 тонн и до сих пор почти не подвергшаяся коррозии, хотя изготовление ее относится к V в. до н.э. Индийское железо славилось своим высоким качеством далеко за пределами страны. Литейщики по цветным металлам умели отливать многометровые и многотонные статуи. Мастерами своего дела были и ювелиры.

Показателем высокого искусства в обработке камня могут служить пещерные храмы. К концу древности началась широкая застройка каменных наземных храмов. Индийские строители умели возводить помещения монастырей, в которых могли одновременно проживать сотни монахов. Жилые здания в городах часто были в 3-4 и больше этажей и содержали большое число помещений различного назначения. О дворцах индийских царей мы имеем восхищенные отзывы греков и китайцев.

Следует отметить также ткачество. Индия на протяжении всей своей истории славилась производством разнообразных и высококачественных тканей. Особого размаха вывоз тканей (хлопчатобумажных и шелковых — последние частично реэкспортировались из Китая) достиг в первые века н.э.

Большими мастерами были древнеиндийские плотники. Помимо многоэтажных жилых зданий (возводившихся в древней Индии в основном из дерева) они строили двух- и трехмачтовые суда, способные пересекать океаны. Известно о судах, могущих перевозить сотни пассажиров с грузами. В первые века н.э. начинаются переселения индийцев в страны Юго-Восточной Азии; это могло иметь место только при

наличии у индийцев относительно большого и совершенного флота.

С усложнением форм хозяйственной жизни, усовершенствованием техники, развитием разделения труда и ростом потребностей людей увеличивался обмен, достигший к концу периода древности значительных размеров. Наметилось даже определенное межобластное разделение труда. Так, территории современных Гуджарата и Махараштры уже в древности славились хлопком и хлопчатобумажными тканями, Керала — перцем, Бихар и Бенгал — рисом; с юга купеческие караваны везли жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни, пряности; из пригималайских областей — шерстяные и кожаные изделия, золото; из Магадхи — рис, металлы и металлические изделия; из восточных областей — шелк и шелковые изделия, приводились на продажу слоны; с северо-запада пригонялись табуны лошадей; из Матхуры, Варанаси и Апаранты (Западная Индия) шли высококачественные хлопчатобумажные ткани, от морского побережья вглубь страны доставлялась соль, черепашьи щитки, от портовых городов — различные заморские товары.

Особого размаха внешняя торговля — как сухопутная, так и морская — приобрела в первые века н.э. Купеческие караваны ходили далеко за пределы страны. Торговые суда плавали в Китай, вавилонию, Египет. В самых дальних портовых городах возникали индийские торговые колонии; купцы из дальних стран создавали торговые колонии в Индии.

Можно уверенно предполагать, что во внешней торговле Индии вывоз превышал ввоз. Это, кроме свидетельств письменных источников^I, подтверждается и археологическими данными: в Индии найдено множество чужеземных древних мо-

^I В I веке н.э. Плиний Старший указывал, что ежегодная утечка драгоценных металлов из Римской империи в Индию составляла в его время 50 млн. сестерций (VI, 101). В другом месте (XII, 84) он дает цифру 100 млн. для Индии, Китая и Аравии.

нет (особенно римских), индийских же за ее пределами очень мало, а в странах Средиземноморья не найдено вовсе. Так как это продолжалось в течение многих веков, то в Индии в конце концов накопилось огромное количество драгоценностей.

Развитие торговли вызвало появление металлических денег. Первые монеты появляются еще в VI—V веках до н.э. Это были небольшого веса серебряные бруски с клеймом, удостоверяющим их качество. В дальнейшем монетное дело развивалось под значительным воздействием чужеземных образцов, но определялось местными нуждами. Общее количество древних монет, хранящихся в музеях и частных коллекциях, не учтено, но оно составляет многие десятки тысяч. Так, только в Южной Индии, только римских золотых и серебряных монет I века н.э. найдено ок. 3 тысяч. Кладов разного времени, содержащих сотни и тысячи монет — множество. Все это достаточно красноречиво свидетельствует о действительных масштабах денежного обращения и торговли в древней Индии.

Развитию денежных отношений сопутствовал рост ростовщичества. В древнеиндийской законоведческой литературе ему со временем начинают уделять все большее внимание. Древние установления обычного права об ограничении долгового процента (например, о погашении долга, если уплаченный процент вдвое превысил сумму самого долга) все больше отбрасываются. Частым становится заклад земли (Ману UP, I43; Нарада I, 26—27). Кредитор имел практически неограниченную власть над должником. Он мог держать его у себя дома, избивать и принуждать исполнять любую работу; мог захватить жену, сына и скот должника и не возвращать до уплаты долга (Брихаспати XI, 57—59). Должник не имел права требовать защиты со стороны государства (Нарада I, I22—I23), но кредитор всегда находил поддержку властей против упорствующего неплательщика. Долговое рабство в первые века н.э. становится обычным и прочно укоренившимся явлением. Некоторые ростовщики вели денежные операции (выдача ссуд, прием вкладов, прием имущества в заклад и на хранение) с большим размахом. Существовали кассы у торговых и ремесленных союзов, также производивших различные

денежные операции. В надписях содержится немало данных о частных вкладах в кассы различных корпораций с тем, чтобы проценты с вклада шли на содержание монахов и другие нужды монастырей (EI, Уш, стр.82,88; CII, Ш, № 16 и др.).

Наиболее ярким показателем уровня развития древнеиндийской экономики, и в первую очередь ремесла, торговли и денежного обращения, были города. Последние века периода древности были свидетелями бурного роста численности городов и увеличения их размеров. Их часто населяли десятки, а то и сотни тысяч жителей. Города были важны не только в экономическом, но и в политическом и культурном отношении. В них размещались ставки государей, правительственные учреждения, проживали высшие слои общества, развивались науки, искусства, литература. Большинство населения древней Индии находилось в деревнях, но истинными центрами ее цивилизации были города.

Господствовавшее некоторое время мнение о ничтожном количестве в древней Индии крупных хозяйств, или даже полном их отсутствии^I, теперь находит все меньше сторонников ввиду его явного несоответствия фактам. Источники самого разного рода изобилуют данными о крупных хозяйствах самого различного характера. В "Артхашастре" подробно описывается типичное царское земледельческое хозяйство (II, 24), прядильная мастерская (II, 23) и многие другие мастерские и службы. О существовании крупных (возможно государственных) хозяйств в республиках сообщает джатака 536. Кроме царей крупные хозяйства вели и частные лица. Данные надписей о богатых дарениях монастырям деньгами или землей, производимых не только царями, но и частными лицами, являются подтверждением факта аккумуляции огромных богатств в частных руках, а также того, что фигура богача, столь обычная в древнеиндийской литературе, является совершенно реальной, достаточно распространенной и всем хорошо известной.

^I См., например, "The Cambridge history of India", vol.I, Cambridge, 1922, p. 198.

Наличие крупных хозяйств и производств подтверждают и данные материальной культуры. Сооружение пещерных и наземных храмов, монастырей, дворцов царей и знати, строительство кораблей, несущих сотни пассажиров с грузами, исполнение таких работ как изготовление железной Делийской колонны, отливка громадных медных статуй — все это требовало наличия больших количеств работников разных специальностей и разной квалификации, организованных в постоянные производственные коллективы.

Мы, по-видимому, никогда не будем располагать данными, позволяющими с уверенностью судить об удельном весе в древнеиндийской экономике мелких и крупных хозяйств. Можно предполагать, что мелкие хозяйства не только превышали крупные по численности, но и давали в сумме большую долю продукции. Но экономическое и социальное значение крупных хозяйств было значительно большим, чем доля их в продукции. Они были основными носителями прогресса в обществе (производственная кооперация, разделение труда, применение искусственного орошения, удобрений и т.д.), определяли объем и формы товарного производства и товарообмена, денежного обращения, были основой могущества господствующего класса, в них складывались основные типы организации производства и формы эксплуатации, получавшие затем распространение и в мелких хозяйствах.

Рабство в древней Индии

Традиция преуменьшать значение рабства в древней Индии ведет свое начало от Мегасфена, греческого посла в Магадхе, утверждавшего, что в Индии вообще нет рабов (Арриан, Индика X, 9; Страбон XV, I, 54). Это свидетельство современника и очевидца раньше всего стало известно исследователям. И хотя его грубая ошибочность стала ясной очень скоро, к нему продолжали относиться если не как к свидетельству полного отсутствия рабства в древней Индии, то по крайней мере незначительности его масштабов.

Поэтому, в отличие от других основных проблем древнеиндийской истории (культура, религии, касты и даже экономика) рабство подверглось наименьшему изучению. Долгое

время его просто игнорировали. Только в 20 гг. в больших работах, посвященных древнеиндийской экономике, авторы стали уделять некоторое внимание и рабству. И в настоящее время даже в многотомных исторических работах (вроде 10-томной "The history and culture of Indian people") о рабстве упоминается вскользь как о какой-то незначительной детали в структуре древнеиндийского общества. Часто пишется, что число рабов в Индии было невелико, а роль их ничтожна, и притом утверждается все это с такой уверенностью, как будто данный вопрос наукой давно уже решен в результате фундаментальных исследований большого числа фактических данных¹. Между тем исследований произведено все еще совершенно недостаточно. Поэтому подобные утверждения являются или данью упомянутой традиции или проявлением субъективизма. Чем дальше, тем больше выясняется неосновательность подобного рода утверждений².

Факты показывают, что в древней Индии рабство имело массовое распространение. Уже в ведийский период (первая

---

¹ "Ни в одной другой цивилизации число рабов не было столь незначительными" (A.L.Basham, The wonder that was India, London, 1954, стр.9); "Ясно... что не имело места ни широкораспространенное рабство, ни практика использования партий рабов на работах, как это было принято во многих странах..." (Д.Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр.121). См. также: Н.К.Синха, А.Ч.Банерджи, История Индии, М., 1954, стр.63; Б.Н.Лунин, История индийской культуры, М., 1960, стр.161.

² Надо, впрочем, отметить, что иногда высказывались и иные мнения: "Рабство... было столь обычным, что не только цари и богачи, но и прочие держали рабов в своих семьях" (J.Ch.Jain, Life in ancient India as depicted in the Jain Canons, Bombay, 1947, стр.106). См. также R.Fick, Die sociale Gliederung in nordöstlichen Indien zu Buddha's Zeit, Kiel, 1897, S. 196.

половина I тыс. до н.э.)¹ рабы считались обычной частью имущества, и обладание рабами было свидетельством богатства того или иного человека². В источниках упоминается о больших количествах рабов, бывших во владении одного человека. Даже в "Ригведе" говорится о толпах рабов (I, 92.8). Называются цифры до ста человек³. В более поздних памятниках ведийской литературы упоминаются многие сотни (Шатапатха-брахмана III, 5.4.27) и даже тысяч рабов⁴.

В эпических поэмах, буддийской и джайнской литературе также часто называются огромные цифры, в некоторых случаях (особенно в эпических поэмах) явно неправдоподобные. Но интересно, что Сюань Цзан, рассказывая о завоевании эфталитами Гандхары (северо-западная область Индии) в начале VI в. н.э., также сообщает об обращении в рабство 300 тысяч пленных (Si-Yu-Ki, I, стр.172). В каждом отдельном случае реальность той или иной цифры можно поставить под сомнение. Называя их, авторы, по-видимому, просто старались дать понять, что рабов было множество. Если бы это всегда не соответствовало действительности, то подобное желание у авторов не могло бы возникнуть, так как постоянное и грубое искажение общественной обстановки ставило бы под сомнение их утверждения и по другим вопросам.

---

¹ Существуют основания предполагать наличие рабства и в городах Индской цивилизации (3-2 тыс. до н.э.), но ввиду сложности вопроса мы его здесь не касаемся.

² Ригведа I, 92.8; Атхарваведа III, 16.3; Шатапатха-брахмана III, 2.48; Чхандогья-упанишада II, 6; II, 18; Брихадараньяка-упанишада VI, 2.7; и мн. др.

³ Ригведа VIII, 19.56. В VIII, 5.38 сообщается о дарении царем автору гимна 10 пленными им царей.

⁴ В "Айтарея-брахмане" (VIII, 22) упоминается о дарении 10 тысяч рабынь.

В "Артхашастре" (II, 35) от учетчика требуется, чтобы при переписи жителей деревень он указывал, помимо земледельцев, пастухов и прочих, также и рабов. В "Милиндапанхе" (стр. I47) при перечислении обитателей деревни, не имеющих права участвовать в сельской сходке, указываются рабы и рабыни. Если упоминания о наличии рабов у сельских хозяев (например, в джатаках 330, 354, 520 и др.) еще можно было бы считать случайными и нехарактерными, то в примерах, приведенных из "Артхашастры" и "Милиндапанхи", речь идет явно о типичных ситуациях, а это дает основание полагать, что даже в деревне, в общем отстававшей от города в темпах общественного развития, рабство было обычным явлением.

Представление о том, что рабский труд в древней Индии не использовался в сфере материального производства, едва ли не еще более стойкое, чем о малом количестве рабом¹. Его придерживаются иногда даже такие историки, которые значительное распространение рабства в Индии не отрицают². Причиной этого является, по-видимому, то обстоятельство, что источники содержат мало упоминаний о применении рабского труда в производстве. Однако такая позиция упомянутых историков была бы оправдана только в том случае, если бы небольшому количеству данных о применении рабского труда можно было бы противопоставить большое количество бесспорных данных о наличии хозяйств, в которых применялся труд работников иного рода. Конкретных сведений о социальной принадлежности производительности

---

¹ "Индия, в отличие от большинства древних цивилизаций, никогда экономически не зависела от рабства" (A.L. Basham, *The wonder that was India*, London, 1954, стр. 153. См. также Д.Неру, *Открытие Индии*, стр. 86, II4-II5, I2I).

² W. Ruben, *Die Entwicklung der Produktionsverhältnisse im alten Indien*, Berlin, 1967, Ss. 2, 30, 50, 74, 88, 109 etc.

го населения в древней Индии вообще очень мало. Когда же такие сведения имеются, они почти всегда включают рабов как важнейший элемент. Если иметь в виду характер источников (главным образом религиозная и художественная литература, эпос), то следует скорее удивляться тому, как много мы в них находим данных о рабах и формах использования их труда.

О применении труда рабов в царском земледельческом хозяйстве сообщается в "Артхашастре" (II, 24; см. также II, I)¹; вряд ли отличались в этом отношении и хозяйства знати. Об использовании большого числа рабов в земледельческих хозяйствах государств колиев и шакьев сообщает джатака 536 (VI, 413). В 484 джатаке рассказывается о хозяине поместья в 1000 кариса (ок. 250 га); половину он сдавал в аренду, а остальное обрабатывали его слуги и рабы (IV, 276-277). О рабах, используемых в земледелии, упоминается в "Махаватге" (VI, 34.2), "Махавасту" (III, 177-178). В комментарии на "Суттанипату" (II, I4) Буддхагхоша рассказывает о хозяйстве, имевшем 30 тыс. голов скота, обслуживаемого рабами и наемными работниками². Огромны были хозяйства некоторых монастырей. Обычно обслуживающий персонал этих монастырей называется в источниках просто слугами. Классовое положение этих слуг не всегда ясно, но поскольку хорошо известно, что монастыри обладали значительными количествами рабов, можно предполагать, что по крайней мере часть необходимых хозяйственных работ в них исполнялась рабами.

В "Законах Ману" (IX, 150) говорится, что при разделе наследства особой долей сына жены брахманки (при наличии

---

¹ Такое хозяйство нельзя считать единичным. В Индии существовали сотни независимых, полузависимых и зависимых царств. Вряд ли можно сомневаться, что почти все цари имели доминиальные хозяйства.

² A. Bose, *Social and rural economy of Northern India*. Cir. 600B.C.-200A.D., vol. I, Calcutta, 1942, p. 63.

сыновой от жен других варн) должен был быть наряду с некоторыми другими видами имущества и "обрабатывающий почву" (kīpāśa). Гаутама (ХХУШ, II-13) сообщает, что при дележе наследства по видам имущества, выбравший рабов не может взять их более десяти; значит в одном хозяйстве они могли насчитываться десятками. Крупный рабовладелец, обладавший десятками и сотнями рабов, мог из соображений социального престижа часть их (иногда значительную) использовать непроизводительно, но мелкий рабовладелец вряд ли мог себе это позволить.

В "Артхашастре" довольно много говорится о царских мастерских. Но состав их работников дается только для прядильной мастерской (II, 23). Здесь работали женщины - вдовы, калеки, девочки, отшельницы, женщины, отработывающие штраф, матери гетер, старые рабыни и отпущенные храмовые служанки. Таким образом, социальный состав прядильщиц был неоднородным. Первые трое из упомянутых были, вероятно, свободными. Остальные пятеро находились в разной степени рабской зависимости^I. Если первые трое по какой-либо причине работали не в мастерской, а на дому, то рабыни разносили волокно и собирали готовую пряжу. Можно полагать, что состав работавших в других мастерских также был сложен. В тех случаях, когда по условиям производства был более высок удельный вес квалифицированного труда (ювелирное, оружейное, литейное дело) процент свободных работников мог быть выше.

^I Отшельницы, отказавшиеся от обета, должны были становиться рабынями царя (Яджнавалкья II, 186; Артхашастра III, 16). То же относится и к бывшим храмовым служанкам. Гетеры были царскими рабынями, поэтому состарившиеся гетеры ("матери гетер") использовались в царских мастерских. "Отработывающие штраф" на время отработки штрафа находились в рабской зависимости (у ману они называются *daṇḍadāsa* в числе других семи основных видов рабов УШ, 413). "Старые рабыни", видимо, состарившиеся рабыни-прислужницы, неспособные больше выполнять прежние обязанности.

Рабский труд применялся и на частных предприятиях. В джайнском сочинении "Увасагадасао" (УП, 182-184) рассказывается о богаче, у которого было 500 гончарных мастерских, в которых работало "множество людей, получающих каждое утро пищу вместо жалованья". Кроме того, было множество других людей, также получающих каждое утро пищу вместо жалованья, которые торговали сделанной его гончарами посудой. Что представляли собой эти люди, становится еще более очевидным из дальнейшего текста (УП, 200). Оказывается, если они допускали какой-нибудь проступок (кражу гончарных изделий, поломку их и т.д.), то хозяин мог их не только ругать, проклинать, штрафовать (возможно, лишением пищи), но и бить, заточать в кандалы и убивать. Вряд ли можно сомневаться в том, что работники и продавцы упомянутого богача были его рабами.

Никто из оспаривающих мнение о значительном производственном использовании труда рабов не отрицает, что этот труд использовался в домашнем хозяйстве. Наоборот, это обстоятельство всячески подчеркивается и противопоставляется производственному использованию рабов, чем как бы принижается значение рабского труда в Индии. Мы выше уже подробно разбирали этот вопрос. По нашему мнению, принципиального противопоставления тут не может быть: труд в домашнем хозяйстве был в своем большинстве производственным трудом.

Помимо работ в домашнем хозяйстве, рабовладельцы, особенно крупные, часто содержали большое количество рабов в личном услужении. Однако наличие всех этих массажистов, носильщиков паланкинов, гаремной прислуги и т.д. также имело огромное, если не непосредственно производственное, то общественное значение. Обладание такими рабами было для господствующего класса социальной необходимостью. Богачей и знать всюду сопровождала свита из рабов, и размеры ее должны были демонстрировать имущественное положение и общественный вес хозяина. Рабов брали с собой в поездки, на войну и даже в лесную обитель, когда становились отшельниками или монахами. Рабы-прислужники находились в непосредственном личном контакте со своими хозяевами.

ми в гораздо большей мере, чем рабы, занятые в производстве. Поэтому рабство-прислужничество в огромной степени способствовало поддержанию рабовладельческой социальной атмосферы, воздействующей на имущественные, гражданские, семейные и прочие отношения между людьми.

Положение рабов в древней Индии имело свои местные особенности, но в основном оно было аналогичным существовавшему в странах античного мира.

Принципиальная особенность, отличающая раба от свободного, — отсутствие права на свою личность, низведение его до уровня говорящего домашнего скота. В древнеиндийском праве это также формулируется достаточно определенно: "Раб — не хозяин самому себе" (na dāsah prahurātmanah)¹; "Корова, коза, человек, овца, лошадь, мул, осел — эти семь сведущими считаются домашними животными (grāmyah raśavaḥ)². Хозяин имел право распоряжаться жизнью и смертью раба³, и имеется немало свидетельств тому, что такое право использовалось. Юридически раб был неправомочен; сделки, заключенные им, считались недействительными⁴. Он не мог быть свидетелем в суде (Ману УШ,66); только при отсутствии надлежащих свидетелей мог быть допрошен также и раб (Там же УШ,70).

Хозяин мог распоряжаться своим рабом совершенно свободно, как всяким другим имуществом. В источниках можно найти множество упоминаний, когда рабами уплачивали дань (Махабхарата II, 47.7; II, 48.10), о проигрыше рабов в кости⁵,

¹ Нарада I, 29. См. также Нарада У, 40 и Маджхима-никая I, стр. 275.

² Махабхарата УI, 5.14; Вав-пурана 9.44 и далее.

³ [Если] слуги куплены за деньги, [то] их жизнь в руках хозяина; не преступление отнять у [такого] слуги жизнь" (Панчатантра I, 13, стих 303).

⁴ Ману УШ, 163; Артхашастра Ш, I; Яджнавалкья II, 33.

⁵ Одному из героев "Махабхараты" приписывается проигрыш 100 тысяч рабынь и столько же рабов (II, 54.12-16).

о дарении рабов и рабынь по разным поводам¹. Раба можно было заложить. В случае, если закладывалась рабыня, то (как и в случае с домашними животными) за проценты по ссуде считался не только ее труд, но и ее потомство (Вишну VI, 15). Рабов продавали и покупали, и такая сделка по форме мало отличалась от сделок подобного рода с движимым имуществом. В отличие от животных, "четвероногих", рабы при перечислении товаров иногда именуется "двуногими". Раба, как и всякую другую вещь, можно было украсть (Ману УШ, 342). За кражу раба полагалось "среднее наказание", соответствующее отрубанию обеих ног или денежному штрафу в 600 пан (Артхашастра Ш, 7; IV, 10). В случае дележа наследства, рабы делились как и всякое другое имущество. Если наследников было больше, чем рабов, последние оставались общесемейной собственностью, и хозяева пользовались их трудом по очереди (Брихаспати XXV, 82-83). Господин имел безусловное право на потомство рабыни независимо от того, кто был настоящим отцом².

Непременная особенность рабского состояния — отсутствие права на результаты своего труда. В древнеиндийских источниках это формулируется вполне определенно: "Жена, сын и раб — трое считаются не имеющими собственности; чьи они, того и имущество, которое они приобретают"³. Но киз-

¹ В эпосе рассказывается о дарении царями при жертвоприношениях сотен тысяч и даже миллионов рабов и рабынь (Махабхарата II, 30.51; II, 45.18; XII, 29.29; и др.). К этим цифрам, конечно, нельзя относиться серьезно. Но и в джатаках встречаются упоминания о дарении 700 рабов и рабынь (544; VI, 503).

² "...В отношении коров, кобылиц, верблюдов, рабынь, буйволиц, коз и овец не производитель получает потомство, а хозяин" (Ману IX, 48).

³ Ману УШ, 416. См. также Нарада У, 41; Махабхарата I, 77.22; I, 82.22; II, 63.1 и др.

ненные обстоятельства обычно бывали бесконечно разнообразными и иногда требовали отступлений от основных положений: "Пусть [раб] получает добытое им самим без ущерба для работы на хозяина, а также наследство и подарок... Наследниками имущества раба являются родственники, [и только] при отсутствии их - хозяин"¹.

Частые утверждения о специфически мягких формах рабства в древней Индии² основываются, по-видимому, главным образом на содержащиеся в источниках призывы хорошо обращаться с рабами. Но если бы такое обращение было правилом, вряд ли нужно было бы так настойчиво призывать к мягкосердечию хозяев. Во всяком случае сами индийцы в черных красках описывают положение рабов³, и источники изобилуют фактами жестокого обращения хозяев с рабами⁴. Вместе с тем, в семьях мелких рабовладельцев рабы во многих случаях практически мало отличались от прочей домашней челяди, а иногда и от младших членов семьи, поэтому в этих случаях антагонизм между рабом и господином мог иногда скрадываться патриархальностью отношений.

---

¹ Артхашастра III, 13. Это отнюдь не исключительная особенность индийского рабства. В древнем Риме некоторые рабы имели пекулии и даже собственных рабов. Илоты, конечно, также не могли бы вести хозяйство, не обладая никакими имуществом.

² T. W. Rhys Davids, *Buddhist India*, London, 1903, стр. 55, 263; "The Cambridge history of India", vol. I, Cambridge, 1922, стр. 416; "The age of imperial unity", Bombay, 1960, стр. 571; Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, *История Индии*, М., 1954, стр. 63; Б. Н. Лунин, *История индийской культуры*, М., 1960, стр. 161.

³ "...Если люди используют людей как рабов, [то], подчинив их битьем и заковычиванием, заставляют работать день и ночь... [Раб] знает какова боль при битье и содержании в оковах" (Махабхарата XII, 254, 38-39).

⁴ Джатаки 4, 97, 125, 547; Маджхима-никая I, 344; Махавасту I, 18.

Ввиду отсутствия древнеиндийских исторических сочинений и хроник до сих пор не удается восстановить связную политическую историю страны. Но самые различные литературные памятники полны отрывочными данными о частых кровавых междоусобицах, государственных переворотах, восстаниях, мятежах и заговорах, разгуле бандитизма, свирепой государственной карательной практике. Постоянная напряженная обстановка, характерная для внутривнутриполитической жизни древнеиндийских государств могла быть следствием только остроты социальных противоречий.

Мы встречаем только немногие сведения о массовых восстаниях рабов в древней Индии. Имея в виду характер источников, много и нельзя было ожидать; упоминания в них о восстаниях рабов неизбежно могли быть только случайными, а изложение событий неясным и обрывочным. Одно из таких упоминаний содержится в палийском каноне¹. Восстание имело место в республике шакьев (на границе современного Непала и Индийской республики). Единственная сообщаемая подробность - захват восставшими рабами женщин этого племени, так что выручать своих женщин шакьям пришлось силой. Ни о масштабах восстания, ни о причинах, ни о целях, ни о конечном результате ничего не говорится.

Более подробными сведениями мы располагаем о другом массовом движении рабов, имевшем место в древнем Кашмире. Показательно, что об этом восстании мы узнаем из неиндийского источника - из записок китайского паломника буддиста Сюань Цзана, посетившего Индию в VI в. н.э. (Si-Yu-Ki, I, Глава IV). Сюань Цзан рассказывает, что на пятидесятом году после нирваны Будды (то есть примерно в 440-430 гг. до н.э.) в Кашмире было основано 500 буддийских монастырей. Для обслуживания монахов в соседних странах было закуплено множество бедняков. Через некоторое время рабы изгнали монахов, а монастыри ликвидировали. Народ окрестных стран, презирая потомков рабов, не хотел общаться с ними и называл их "купленниками". Затем рассказывается о

---

¹ Vinaya-pitaka, vol. IV, pp. 181-182.

том, что благочестивые буддийские цари не раз вторгались в Кашмир, восстанавливали монастыри и заселяли их монахами. Но каждый раз "купленники" опять восставали и изгоняли монахов. Этим Свань Цван и объяснял упадок буддизма в Кашмире в его время.

В источниках содержится множество упоминаний о народных возмущениях и восстаниях¹. Классовый характер этих движений определить трудно, но можно предполагать, что по крайней мере в некоторых случаях в них принимали участие и рабы. Однако открытое восстание было только одной из форм классовой борьбы, самой крайней. Другие, менее заметные, могли в общем плане оказаться даже более эффективными, вследствие их постоянного характера, трудностей их обнаружения и борьбы с ними.

Благодаря близким отношениям между хозяином и рабом в быту, а в мелком хозяйстве — и в производстве, раб имел множество скрытых возможностей нанести ущерб здоровью хозяина и членам его семьи или даже умертвить их². Серьезным оружием в руках рабов был саботаж. Немалое значение как фактор, сдерживающий произвол хозяина, имела постоянная угроза бегства рабов³. Бегство раба должно было ощущаться в хозяйстве рабовладельца (особенно мелкого) очень болезненно. Частая политическая раздробленность, наличие в не столь уже большом отдалении независимых или автономных племен — все это способствовало беглому рабу и мешало его хозяину восстановить свои права собственника.

На неустойчивость внутрисполитического положения в древнеиндийских государствах указывает постоянное наличие

¹ Артхашастра I, 13; 16; 18; 19; У, 6; XIII, 5; Ману У, 95; УП, 24—25; джатаки I 20, I 83, 251, 432, 520, 542.

² В джатаках неоднократно рассказывается о расправах рабов со своими хозяевами и членами их семей — 63, 73, 416, 454. См. также Вишну III, 82.

³ О бегствах рабов упоминается в джатаках 4, I 25, I 27, 540.

большого числа разбойников¹. Большинство их состояло из людей, ставших жертвами несправедливых общественных условий — беглых рабов (например, джатака 454), разорившихся ремесленников и крестьян. Можно предполагать, что по крайней мере в некоторых случаях под часто применяемым термином "разбойники" имелся в виду восставший народ, в том числе и рабы.

Уже приходилось говорить о том, что рабы никогда и нигде не представляли собой абсолютно единую массу. В древней Индии это нашло отражение в правовой литературе в виде классификации разрядов рабов. В "Законах Ману" (УШ, 415) указываются следующие: "Захваченный под знаменем", то есть военнопленный, "раб за пищу" — ставший рабом вследствие коммендации, "раб в силу наказания" — ставший рабом по решению суда; эти трое — бывшие свободные, ставшие рабами, кроме них упоминаются еще три, бывшие и ранее рабами, но сменившие владельца — "купленный", "подаренный" и "доставшийся по наследству". Седьмым называется "рожденный в доме" — урожденный раб.

В более поздних "Законах Нарады" (Нарадасмрити — У, 26—28) приводится список, включающий 15 разрядов рабов: "Рожденный в доме", "купленный", "полученный [в дар]", "полученный по наследству", "получающий пищу во время голода", "заложенный хозяином", "полученный из-за [своего] долга", "захваченный в битве", "выигранный на пари или в кости", "передающий себя", "отступник от обета", "порабощенный на срок", "раб за пищу", "порабощенный из-за его связи с рабыней" и "продающий себя".

Как ясно видно, в основе классификаций лежали условия порабощения или приобретения раба, хотя рабы фактически различались и по другим не менее важным признакам: принадлежности (частному лицу, общине, государству) и использованию (слуги, ремесленники, пастухи и т.д.). Государство не могло регулировать отношения между рабом и господином (кроме некоторых ограничений чрезмерного произ-

¹ В джатаках 279 и 318 сообщается, что даже Будда в своих предшествующих жизнях бывал разбойником.

вола), но держать под контролем обстоятельства порабощения оно старалось, чтобы не допустить беззакония, могущего повредить его же интересам: ведь каждый порабощенный свободный переставал быть налогоплательщиком. Кроме того, обстоятельства порабощения определялись и условия возвращения рабом себе свободы¹. Государство и здесь старалось предотвратить возможное беззаконие.

И все же даже эти классификации дают очень многое для понимания специфики рабства в древней Индии. Первые четыре разряда рабов — "рожденный в доме", "купленный", "полученный [в дар]" и "полученный по наследству" — могли получить свободу только по милости хозяина (Нарада У, 29). "Захваченный в битве", так же как "передавший себя" и "выигранный на пари или в кости" освобождались дачей заместителя, равно способного к труду (Там же, У, 34). "Раб за пищу" освобождался после простого отказа его от получения содержания (Там же, У, 36; Яджнавалкья II, 185); раб "получающий пищу во время голода" становился свободным, уплатив пару быков (Нарада У, 3)². Долговой раб ("полученный из-за долга") освобождался после уплаты долга с процентами. "Порабощенный на срок" становился свободным по его истечении (там же, У, 33). Раб, "заложенный хозяином", возвращался к хозяину после того, как тот возвращал взятое в долг; если же раба отдавали в уплату этого долга, то он считался уже равным проданному (Там же, У, 32). "Порабощенный из-за его связи с рабыней" переставал быть рабом после разрыва этой связи (Там же, У, 36). Не мог быть освобожден тот свободнорожденный, который сам продал себя в рабство; он считался самым презренным из рабов (Там же,

¹ Классификация Нарады является фактически введением к рассказу об условиях освобождения рабов.

² Причина различий в условиях отпуска между последними двумя заключалась в том, что прокормление раба во время голода обходилось дороже, чем в обычное время.

У, 37). Пожизненным рабом царя, не заслуживающим ни освобождения, ни снисхождения, объявлялся "отступник от обета" (Нарада У, 35; Яджнавалкья II, 186).

Как освобождались осужденные на рабство за преступления, и о которых ничего не говорится у Нарады, но сообщается у Ману (daṇḍadāsa) мы не знаем. Можно только предполагать, что условия их отпуска на волю должны были быть весьма различными и определялись царской администрацией в зависимости от того, был ли порабощенный отработавшим штраф, сосланным в рудники за государственную измену и т.д.

Известно также об отпуске на свободу сделанного рабом насильно и проданного разбойниками. В числе разрядов рабов он не упоминается, так как его пребывание в рабском состоянии считалось незаконным. Такие рабы должны были освобождаться царем без всякой компенсации владельцу (Нарада У, 38; Яджнавалкья II, 185).

Итак, одного раба хозяин мог не отпускать на волю, какой бы выкуп за него ни представлялся. Другого он не мог задерживать, хотя бы тот только переставал принимать от него пищу или сожительствовать с его рабыней. Разница огромная. Но и те, и другие древними индийцами считались рабами, разными, но рабами.

Конечно, полностью оценить сложность проблемы рабства в древней Индии можно только в том случае, если помнить, что более или менее известно только немногое из того, что было в действительности в этой стране полторы-две тысячи лет тому назад.

Полурабские формы эксплуатации

К положительным, с точки зрения хозяина, сторонам рабского труда относилось безраздельное право хозяина использовать его в любое время и без всякого ограничения. В хозяйстве (особенно земледельческом) ситуация могла меняться очень резко, и хозяину очень важно было иметь в своем распоряжении безотказную рабочую силу для оперативного решения хозяйственных вопросов. Кроме того, от раба можно было требовать выполнения самых тяжелых, опасных и ритуально нечистых работ.

Но были и отрицательные стороны. Одна из них хорошо известна, — это незаинтересованность раба в результатах своего труда, в качественном исполнении работы, отсутствие творческой инициативы; отсюда необходимость в постоянном контроле за его работой^I. На другую сторону исследователи обычно обращали меньше внимания, а между тем она тоже важна, это — необходимость использовать труд рабов в течение всего года. При сезонности сельскохозяйственных работ, вызывавших также неравномерность загрузки промышленных предприятий, транспорта и т.д., нельзя было пользоваться только рабским трудом; иначе значительную часть года рабов пришлось бы кормить даром. Поэтому даже бесспорно рабовладельческому хозяйству приходилось ограничиваться только таким количеством рабов, которое можно было бы загрузить в течение всего года. В страдные же периоды приходилось нанимать работников со стороны.

Следовательно, древняя экономика требовала не только наличия рабов, но и некоторого количества людей, которых можно было бы использовать, когда они нужны, а следовательно, только в это время и выдавать им содержание, и отпускать, когда они не нужны, прекращая одновременно заботу об их прокормлении. И действительно, наряду с рабами и вполне свободными общинниками существовала значительная масса труженников, лишенных полностью или частично средств производства и вынужденных работать на других, но еще не ставших рабами. Они представляли собой общественную среду, переходную от свободного состояния к рабскому.

Наиболее обычным термином, обозначающим наемных работников, был кармакара (букв. "исполняющий работу"). Им назывались работники, занятые в земледелии, пастухи и даже иногда ремесленники, художники, лекари.

---

^I Дача рабу пекулия, перевод его на землю для индивидуального хозяйничанья и т.д. — все это были попытки рабовладельцев преодолеть указанный недостаток рабского труда; принципиально классовое положение раба при этом не менялось.

Кармакары широко использовались в сельскохозяйственных и скотоводческих хозяйствах наряду с рабами (Артхашастра II, 24; II, 29). Использовалось также большое число дояров, телятников. Многочисленный персонал требовался для обслуживания царских конюшен и слоновников. В "Артхашастре" (II, 30 и 31) неоднократно упоминаются дрессировщики, конюхи, кучера, ветеринары, сторожа, работники, приготавливающие корм и т.д. Часть их состояла из рабов, но часть определенно состояла из наемных работников, так как за упущения по работе им урезывалась дневная плата.

Имеются и достаточно определенные данные об использовании труда кармакара в частных хозяйствах. Земледельцы и пастухи, получающие зарплату (ветана) натурой, упоминаются в той же "Артхашастре" (III, 13), причем по контексту ясно, что речь идет не о царском хозяйстве. В ней же (II, 35) в числе категорий населения, учитываемых в сельской местности сборщиком налогов, упоминаются и наемные работники и рабы. Судя также по "Милиндапанхе" (цит. выше) в каждой деревне имелись рабы, рабыни и наемные работники (кармакары и бхритаки). Отдельные упоминания сельскохозяйственных работников имеются в других источниках.

Кроме работников, занятых в основных производственных процессах, существовало (особенно в крупных хозяйствах) значительное число подсобных работников — складских рабочих, грузчиков, носильщиков, работников, занятых ремонтом инвентаря, первичной переработкой сельскохозяйственной продукции (очистка зерна и хлопка, обработка и сортировка шкур и шерсти), сторожа и пр. (Артхашастра II, 15; II, 24). Судя по формам оплаты, среди них наряду с рабами были и кармакары.

Применение наемного труда отмечено и в промышленности. Выше уже говорилось о царской прядильной мастерской. Часть работниц следует считать рабынями, другую — наемными работницами. В этой же главе "Артхашастры" (II, 23) упоминается о производстве холщевых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, доспехов, веревок, ремней и т.д. На этих работах также применялся труд людей, получавших пла-

ту в зависимости от затраченных ими усилий. По-видимому, на такой же основе (то есть с применением рабского и наемного труда) действовали и другие предприятия, упоминаемые в "Артхашастре" — стального и цветного литья, монетные, ювелирные и пр. (П, 12; П, 13). Данных о применении наемного труда в частнохозяйственном ремесле немного.

Все источники свидетельствуют об огромном числе домашних слуг. Особенно много их было при царском дворце (Артхашастра I, 13; I, 21; У, 3; УП, 17; Махавасту П, 37 и др.). Но такие слуги имелись, вероятно, в каждой зажиточной семье. Часть слуг (может даже большая) определенно состояла из рабов, но были и слуги, работавшие по найму, получавшие жалованье деньгами, продуктами и вещами (Артхашастра У, 3; Ману УП, 125-126).

В отличие от рабов кармакары работали (в принципе) на договорных условиях, установленных заранее. Если же предварительного соглашения не было, то оплата должна была быть общепринятой в таких случаях, и для установления ее могли привлекаться свидетели и опытные арбитры (Артхашастра Ш, 13). Многовековая практика содействовала установлению некоторых обычных норм, и наличие их подтверждается различными источниками.

Услужение (*sevā*) в древней Индии понималось очень широко и охватывало самые различные стороны человеческой деятельности. Это было не только исполнение обязанностей домашнего слуги, но и всякая работа на другого, даже ремесло. Исполнение таких работ было связано с зависимостью от других и потому презиралось общественным мнением. У Ману (IV, 4 и 6) услужение называется "собачьим образом жизни" (*svavṛtti*) и членам высших варн рекомендуется его всячески избегать.

Все это является естественным, если помнить, что действительные отношения между кармакарами и работодателями определялись в конечном счете ведущими отношениями эксплуатации — рабовладельческими. Продавцами своей рабочей силы кармакар делало не только их экономическое положение, но и сословные отношения, кастовое положение, кабальная зависимость и многое другое, вследствие чего их

эксплуатация носила в значительной мере внеэкономический характер. Рынок труда фактически отсутствовал. Поэтому, при некотором внешнем сходстве кармакар нельзя считать пролетариями — свободными продавцами рабочей силы, подвергающимися капиталистической эксплуатации.

Рабство было наиболее полной и наиболее эффективной формой использования общественной зависимости, и на протяжении всего периода древности заметно стремление хозяев приравнять наемных работников к рабам. Для хозяина они представляли собой общую массу зависимых от него людей, только одних он купил навсегда, а других только на время работы. Поэтому в правовых трактатах рабы и кармакары обычно рассматриваются в одних и тех же главах (Артхашастра Ш, 13; Нарада У. См. также Артхашастра П, 15).

Не только на работе, но и в обиходной жизни они зачастую мало различались современниками друг от друга. В джатаке 340 (Ш, 129) в достояние богача включены не только рабы, но и кармакары; бог Индра, желая разорить богача, уничтожил не только его имущество и рабов, но и его кармакар. Когда в царском хозяйстве низшим работникам выдавался прокорм, то размер и качество его не отличалось существенно от того, что получал раб (Артхашастра П, 15; П, 24). Так же как рабы, кармакары могли быть подвергнуты телесным наказаниям. Уже в дхармасутре Апастамбы (VI-V вв. до н.э.) говорится о допустимости избивания палками наемного пахаря и пастуха за нерадение. В "Артхашастре" (П, 23), в случае, если наемный работник, получив оплату за труд вперед, не выполнял обусловленной работы, неправильно расходовал, портил или расхищал материал, его можно было наказать не только вычетом из жалованья, но и отрубанием конечных суставов большого и указательного пальцев. Там же (П, 29) отмечается, что дояр, пропускающий время дойки, должен штрафовать в размере дневного заработка, а у доящего коров с нарушением установленных правил можно было отрубить большой палец.

В джайнских источниках "Суттакританга (П, 2, 63) и "Суягадам" (П, 20) утверждается, что хозяин мог за малейшую провинность жестоко наказывать своих рабов, кармакар

и зависящую от него челядь. В длинном списке истязаний указываются избияния, заковычивание в кандалы, заточение в темницу, калечение (отрезание рук, ног, носа, ушей, ослепление и т.д.); он мог виновного повесить, посадить на кол, сжечь, отдать на растерзание хищникам, уморить голодом и жаждой и пр. По контексту ясно, что краски намеренно сгущены. Но и в буддийской книге "Махавасту" (I, 18) содержатся сходные данные. Взятые вместе с упомянутыми выше, они свидетельствуют о том, что хозяин по своему усмотрению мог наказывать не только рабов, но и наемных работников, возможно не всех и не в равной мере, но в общем плане такое право за ним признавалось.

Уже обращалось внимание на то, что среди различных категорий рабов были такие, которые обладали большими возможностями освободиться, чем другие — "раб за пищу", "раб, получающий пищу во время голода", "порабощенный на срок" и др. Большинство таких рабов становилось, по-видимому, кармакарами. Но и рабами становились чаще всего кармакары, вынужденные жизненными условиями отдаться полностью на милость хозяина. Таким образом, грань между кармакарой и рабом оказывалась легко преодолимой.

Сословно-кастовый строй и рабство

Обстоятельством, еще более осложнявшим общественную структуру в древней Индии, было существование сословного строя, имевшего кастовый характер. Взаимовлияния и взаимосвязи между классами и кастами были многообразны и сложны, и мы здесь ограничимся лишь некоторыми аспектами.

Уже говорилось о том, что, кроме рабов, которых надо было занимать работой и содержать весь год, условия производства требовали наличия некоторого числа членов общества, которые могли использоваться на короткие сроки. Таким постоянным резервом не могли быть полноправные общинники, так как они обладали землей и на ней вели обеспечивающее их хозяйство. Причиной допущения в примитивное племенное общество чужаков и образования вследствие этого в древнейший период четвертой варны шудр и была, по-видимому, потребность в такой дополнительной и относительно свободной

рабочей силе. Поэтому усилия высших варн были постоянно направлены на то, чтобы сохранить не только гражданскую и религиозную неполноправность шудр, но и их экономическую несамостоятельность. В источниках постоянно подчеркивается одно и то же положение: обязанность шудры — смиренное служение трем высшим варнам (Ману I, 91; Уш, 410; IX, 334—335; Артахаштра I, 3 и др.).

Рост экономического значения ремесла, превращение города (основной производительной частью населения которого были ремесленники) в главный очаг цивилизации, способствовали повышению положения шудр в обществе, поскольку ремесло было одним из основных занятий членов этой варны. Вместе с тем в варне шудр постоянно происходил процесс дифференциации. Некоторые из шудр богатели, становились рабовладельцами, появляются даже царские династии из шудр. С другой стороны, они чаще чем члены других варн порабощались. Значительная часть шудр оставалась кармакарами.

В сословно-кастовом строе древней Индии существовала общественная категория, стоявшая ниже шудр, вне системы четырех варн. Это были неприкасаемые (аспришья). При оформлении системы четырех варн имелась, по-видимому, тенденция у членов высших варн свести и шудр до положения париев. Однако, еще относительно невысокая степень общественной дифференциации наряду с растущим значением ремесла не дали этой тенденции развиваться. Варна шудр так и не стала неприкасаемой.

Возникновение представлений о неприкасаемости относится к глубокой древности. Оно было связано с примитивными религиозными представлениями о ритуальной нечистоте. С возникновением общественного неравенства представления о неприкасаемости начинают использоваться верхушкой общества в своих интересах. Нечистоту могли отныне повлечь за собой некоторые преступления (например, убийство брахмана), нарушения сословно-кастовых предписаний (например, несовершенство в должные сроки обряда посвящения). Некоторые профессии, которыми вынуждены были заниматься обедневшие соплеменники, также были объявлены нечистыми и презренными,

что давало дополнительные возможности для угнетения этих труженников. Таким образом, предрассудок со временем стал использоваться для прикрытия корыстных экономических интересов. Особенно важным было то, что неприкасаемость отныне могла стать для некоторых категорий трудящихся пожитивной и даже наследственной.

Меняется также отношение к иноплеменникам. Племена с резко отличным образом жизни, особенно если они слабы и малочисленны, объявлялись на этом основании неполноправными. Обычно это были племена уже давно оттесненные более сильными в менее удобные для проживания и хозяйствования области. Лишенные возможности при тогдашнем уровне развития техники заниматься регулярным земледелием или передовыми отраслями ремесла, они вынуждены были заниматься собирательством, охотой, рыболовством и другими промыслами, презиравшимися культурными земледельцами. Объявление этих племен отверженными и нечистыми давало идеологическое оправдание для их ограбления и угнетения. Отверженные были обречены на занятие самыми нечистыми и презиравшимися общественным мнением и плохо оплачиваемыми работами — обработка кож, торговля мясом и убой жиротных, уборка нечистот и мусора, работа на кладбищах, исполнение обязанностей палача, охота, рыболовство, лесные промыслы.

Чаще всего в древних источниках упоминаются неприкасаемые чандалы. Они исполняли обязанности похоронной прислуги (Ману X, 55), палачей (Ману X, 56; Вишну XVI, 11; Артхашастра III, 3), мусорщиков (джатака 498), были охотниками и мясниками. Прикосновение к чандалам требовало совершения очистительных обрядов (Гаутама XIV, 30; Апастамба II, I. 2. 3; Ману V, 85). "Чистым" индийцам не следовало пользоваться колодцами, которыми пользовались чандалы (Артхашастра I, 14). Чандалам полагалось жить вне селений и входить в них только для производства необходимых работ. Они имели отличающие их знаки. С ними не рекомендовалось общаться, считалось добродетельным всячески подчеркивать свое презрение к ним (Ману X, 50—56). Подобными чандалам считались паулкасы (пуккасы), нишады, швапачи, мритапы, а антьявасайины, составлявшие кладбищенский персонал, рас-

считались как презренные даже для отверженных (Ману, X, 39).

В правовом отношении неприкасаемые считались стоящими как бы вне закона (*dharmahīna*; Гаутама IV, 20). Прикосновение чандал к дваждырожденным каралось телесными наказаниями или денежным штрафом в 100 пан (Яджнавалкья II, 23; Вишну V, 104). Оскорбленный неприкасаемым "чистый" индеец имел право наказать его сам; в этом отношении неприкасаемый приравнивался к рабу (Нарада XI, 14). Приравнивание его в одном упомянутом отношении показывает, что рабом он все-таки не считался. Это видно и из факта наложения штрафа в 100 пан, которым не мог быть наказан раб.

Приниженное положение неприкасаемых использовалось государственными служащими, ростовщиками, работодателями, землевладельцами и т.д. для угнетения этих обездоленных членов общества, для вымогательств разного рода, закатабления, а то и прямого ограбления. Неудивительно, что общественная отверженность неприкасаемых поддерживалась господствующими классами Индии с наибольшим упорством и настойчивостью и из всех установлений древней кастовой системы лучше всего сохранилась вплоть до наших дней.

Обращая на себя внимание прочностью сословно-кастового строя в Индии объясняется главным образом особенно острой в условиях этой страны потребностью господствующего класса в подчинении трудящихся. При богатстве индийской природы естественными и сравнительно доступными пищевыми средствами (обилие рыбы, птицы, дичи, дикорастущих злаков, плодов, орехов, ягод и пр.) и при ограниченности минимальных потребностей в одежде и жилище заставить одних работать на других можно было только посредством внешнеэкономического принуждения. В отношении одних труженников это достигалось прямым обращением в рабство; в отношении же тех, которые по разным причинам в рабство обращены не были, постепенно сложилась целая система социального и идеологического принуждения — сословно-кастовый строй.

На отношениях между высшими и низшими кастами постоянно лежал отпечаток отношений, существовавших между рабовладельцами и рабами. Это проявлялось в стремлении

высших каст низвести членов низших до положения рабов. И за пределами древности, в тех случаях, когда имела место частичная регенерация рабовладельческих отношений, первыми жертвами порабощения оказывались самые обездоленные из труженников — неприкасаемые.

Рабство и семейные отношения

В древнеиндийской патриархальной семье глава ее обладал характерной для большинства древних обществ деспотической властью. Уже заключение брака определялось принципами рабовладельческих отношений.

Из восьми форм браков, перечисляемых большинством древних авторитетов (Гаутама IV, 6—13; Ману III, 21—42; Вишну XXIV, 17—26; Артхашастра III, 2), только при одной (гандхарва) согласие женщины имело значение. Во всех остальных случаях женщина являлась только объектом имущественной сделки (если не похищения с применением насилия). Заключение брака означало как бы переход некоей собственности от одного хозяина к другому. Особенно это относится к формам брака, предусматривающим уплату женихом выкупа; их сами древнеиндийские законоведы считают продажей потомства (Ману III, 51; 53, IX, 193). Законным отцом ребенка являлся не фактический отец, а муж матери на том основании, что жена является собственностью мужа. В этом отношении она приравнивалась к полю, урожай с которого принадлежит его собственнику, а не тому, кто бросил семя на чужое поле, а также к домашним животным и рабыням, потомство от которых принадлежит их хозяину, а не производителю (Ману IX, 52—55. См. также Гаутама XXVIII, 32; Артхашастра III, 7).

Если мужчина мог купить жену и рассматривать ее как свою собственность, считалось естественным, что он мог ее продать. Упоминания о таких фактах нередки (например, Ману IX, 46; XI, 62), и не оставляют сомнения в том, что юридически такие действия считались допустимыми, хотя морально иногда и осуждались. В случае смерти бездетного мужа, жена по требованию родственников умершего обязана была родить сына, который мог бы продолжить род, от деверя или какого-нибудь близкого сородича (Гаутама XVII, 4—14; Бауд-

хаяна II, 2.4.9; Ману IX, 57—65, I20—I21, I45—I46 и др.). Согласно "Артхашастре" (III, 4), если муж пропал без вести, уходил в отшельники или умирал, его жена имела право выйти замуж вторично, но только за деверя, а если его не было, то за близкого сородича мужа. По существу, женщина в данном случае рассматривалась как унаследованное от умершего семейное имущество.

Детями отец мог распоряжаться еще свободней, чем женой. Несколько выше уже упоминалось о том, что брак в ряде случаев имел характер имущественной сделки между отцом невесты — продавцом, и женихом — покупателем. Некоторые другие формы брака являлись дарениями дочерей. И в этом случае считалось безусловным право отца распоряжаться своей дочерью. Но то же относилось и к сыновьям: "Родители имеют право дарить, продавать и покидать его (то есть сына)" утверждают многие древние авторитеты (Васиштха XV, 2; Гаутама XXVIII, 33). Некоторые, правда, такие права за родителями не признают (Апастамба II, 6.3.10—11). Но многочисленные данные позволяют считать, что мнение первых больше соответствовало существовавшей практике. Так, например, при классификации различных видов сыновей упоминаются и такие, как "подаренный" (*datta*; Ману IX, 141; I59; I68; Васиштха XVII, 28—29; Вишну XV, 18) и "купленный" (*kṛita*; Ману IX, 160; I74; Гаутама XXVIII, 33; Васиштха XV, 30—32; Вишну XV, 20).

Продажи и дарения детей не только при заключении брака и при усыновлении, но и в рабство, упоминаются даже в преданиях, относящихся к баснословной древности. В более поздний период продажа детей часто осуждалась, но факты такого рода имели место. Во всяком случае, о продаже и дарении детей в "Артхашастре" (III, 7) говорится как о вполне обычном и естественном деле. В другой главе (III, 13) продажа детей осуждается, но только в рабство, а не в другую семью; млеччхам (варварам) не возбранялась продажа своего потомства и в рабство. Заклад детей при крайних обстоятельствах также допускался (Артхашастра III, 13).

Конечно, ни жена, ни дети не являлись рабами в точном смысле слова, так же как отец не был рабовладельцем только потому, что он отец, все они были членами семьи, отношения в которой определялись в первую очередь семейным положением составляющих ее частей. Но господствующие в обществе рабовладельческие отношения неизбежно определяли и отношения в семье, приспособляя их к структуре общества. Поэтому в семье не всегда легко точно провести границу между отцом — мужем и рабовладельцем, женой и рабыней, сыном и рабом.

Мы здесь не касаемся различных традиционных форм зависимости бедных семей от богатых в роду, отношений подобных римскому патронату и клиентеле и т.д. ввиду неизученности данного вопроса. При выяснении и этой стороны общественных отношений они неизбежно окажутся еще более сложными.

Заключение

даже предложенное выше краткое рассмотрение имеющихся данных показывает, насколько сложной была структура древнеиндийского общества. При всей этой сложности доминирующими, определяющими лицо общества формами отношений между людьми были рабовладельческие.

Возникновение в недрах доклассового общества уже первых элементов рабства было свидетельством далеко зашедшего в нем процесса разложения. Эти первые элементы рабства играли роль активнейшего реагента, резко ускорявшего процессы имущественной и общественной дифференциации, развивавшиеся в направлении укрепления рабства. Все общество — в хозяйственной жизни, в гражданских и семейных отношениях, в идеологических воззрениях — начинает настраиваться на рабство. На каком-то этапе новый уклад становится господствующим, не обязательно численно, а вследствие своей активной роли в развитии производительных сил, в разделении труда, в возникновении гражданского общества и государства. Рост рабовладельческого уклада происходит при этом за счет первобытнообщинного, долгое время еще преобладавшего численно, но бывшего носителем консерватизма и обветшалых

традиций и потому игравшего роль пассивного и даже сдерживавшего общественный прогресс начала. За счет первобытнообщинного развивался и мелкотоварный уклад, обслуживавший нужды рабовладельческого общества. Но на протяжении всего периода древности первобытнообщинный уклад существовал в рабовладельческом обществе, являясь его органической частью. Только с развитием феодального уклада, постепенно укрепляющегося также в значительной мере за счет первобытнообщинного, и начинающего доминировать уже за пределами периода древности, первобытнообщинный уклад теряет свое самостоятельное значение.

Признание факта многоукладности древнеиндийского общества неизбежно влечет за собой признание господствующей роли рабовладения, ибо другого антагонистического классового уклада не существовало. Все древнеиндийское общество можно представить себе в виде структуры общественных слоев, прослоек и группировок, но положение их в конечном итоге определялось их отношением к рабовладению. Рабы и рабовладельцы были двумя полюсами общества, образующими поля социального притяжения, и место всякой другой социальной группы зависело от того, на каком расстоянии она находилась от того или иного полюса. Серьезно осложняло картину существование родо-племенных пережитков, кастовой системы, различия в положении отдельных групп рабов и т.д. Но структура общества в конечном итоге определялась существованием двух антагонистических классов — рабов и рабовладельцев, поэтому древнеиндийское общество и следует считать рабовладельческим.

Более пятидесяти лет тому назад В.И. Ленин в своей лекции "О государстве" вкратце изложил учение о прогрессивном развитии человечества через смену различных типов общества. В частности, о периоде древности им было сказано следующее: "Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — об-

щество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света... Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы¹.

Двумя другими классовыми обществами он называет крепостническое и капиталистическое. В.И. Ленин знал, насколько социальная структура в каждом из названных им обществ сложна, знал, что крепостные крестьяне не составляли большинства эксплуатируемых во втором из названных им обществ, а пролетарии в его время не были большинством эксплуатируемых в третьем, однако он, не колеблясь, указывает на крепостничество и капитализм как на главное, что их характеризует. Даже то, что он знал тогда о древнем обществе позволяло ему утверждать, что первым классовым обществом было рабовладельческое.

И это не случайный момент в его лекции, не дань популяризаторству, потому что ниже он решительно подчеркивает значение марксистской периодизации истории: "Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляют такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового гос-

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

подства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т.д.¹.

За прошедшие пятьдесят лет был накоплен большой новый материал, и наука не стояла на месте, но развивалась она в направлении, подтверждающем правильность основного, что было сказано В.И. Лениным. Прошедшие в последние годы дискуссии по вопросу о классовом характере древнего (и особенно древневосточного) общества помогли яснее увидеть те слабые участки в изучении проблем древности, на которых необходимо сосредоточить в дальнейшем внимание. Вместе с тем обнаружилась полная несостоятельность всех попыток противопоставить что-либо марксистско-ленинской теории пяти общественно-экономических формаций.

Изучение общественных отношений в древней Индии в зарубежной и советской науке началось сравнительно недавно, но по мере его развертывания все больше и больше выясняется определяющая роль рабства в древнеиндийском обществе. Есть основания полагать, что этот процесс будет продолжаться и дальше, а правильность основных положений исторического материализма будет все больше подтверждаться и на индийском материале.

Основная публикация по диссертационной теме

Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин, "Древняя Индия" (Исторический очерк), М., 1969. (Лично диссертанту принадлежат главы IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX. Глава XXII и введение написаны совместно с Г.М. Бонгард-Левиним. Общий объем, принадлежащего автору текста, свыше 26 а.л.).

Кроме того могут быть указаны:

¹ Там же, т. 39, стр. 71-72.

1. О некоторых особенностях рабства в Индии в эпоху Маурьев. - "Доклады и сообщения института (Моск. гос. ун-та)", вып. 8, М., 1948, стр. 98-101.
2. Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов. - В.Д.И., М., 1950, № 2, стр. 94-107.
3. Вопрос об общественной формации в древней Индии в советской научной литературе, там же, стр. 174-178.
4. Особенности рабства в древней Индии, - В.Д.И., М., 1951, № 1, стр. 33-52.
5. Новые переводные работы по истории древней Индии, - В.Д.И., М., 1952, № 2, стр. 167-178.
6. Древнейшая Индия, - глава XVI, "Всемирная история", т. I, М., 1955, стр. 422-434; Древняя Индия в XV-VI вв. до н.э. - там же, глава XVII, стр. 597-606; Индия в VI-II вв. до н.э. - там же, т. II, М., 1956, глава XVIII, стр. 542-558; Индия с I в. до н.э. по V в. н.э. там же, глава XIX, стр. 559-575.
7. Древняя Индия. В уч. для педвузов "История древнего мира", под ред. В.Н.Дьякова и С.И.Ковалева, М., 1956, стр. 209-224.
8. Древний индийский город Таксила, М., 1958. 91 стр.
9. Основные проблемы рабства в древней Индии. - "История и культура древней Индии", М., 1963, стр. 118-161.
10. Индия в конце II тысячелетия до н.э. - первая половина тысячелетия н.э. - "Народы Южной Азии", М., 1963, стр. 100-110 (совместно с А.М.Дьяковым).
11. Единство исторического процесса. - "Общее и особенное в историческом развитии стран Востока", М., 1966, стр. 171-174.
12. Буддизм и основы его учения. - "Наука против религии. Общество и религия", М., 1967, стр. 171-198.
13. Классовая структура древнеиндийского общества. - "Общее и особенное в историческом развитии стран Востока". Вып. II, - 3,5 а.л. (в печати)